

Гарольд Гарфинкель

Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий^{*1}

Аннотация. В статье рассматривается проблема доверия как одного из конstitutивов повседневной жизни. Доверие определяется как согласие с конstitutивным порядком событий деятельности. На основе исследования игр автор формулирует проблему согласования действий обычных членов общества в контексте ожиданий, обеспечивающих взаимопонимание. При помощи процедуры экспериментального продуцирования замешательства демонстрируется, что участники обыденных ситуаций деятельности ориентируются на воспринимаемо нормальные свойства ситуаций повседневной деятельности.

Ключевые слова. Доверие, установка повседневной жизни, конstitutивный порядок событий, нарушение ожиданий, замешательство, согласованные действия, базовые правила игры, этнометодология

Объясняя устойчивость и преемственность черт согласованных действий, социологи обычно выбирают некоторую совокупность стабильных черт организации деятельности и пытаются выявить переменные, способствующие их стабильности. Более экономичной была бы альтернативная процедура: начать с системы, обладающей стабильными чертами, и попытаться выявить, что можно сделать, чтобы создать затруднение. Операции, которые необходимо выполнить для производства и сохранения аномийных черт воспринимаемых сред и дезорганизованного взаимодействия, должны рассказать нам кое-что о том, как обыденно и рутинно поддерживаются социальные структуры.

Точка зрения

Решение Парсонса [21] инкорпорировать всю общую культуру целиком в суперэго имеет в качестве своего очевидного интерпретативного следствия то, что способ организации системы действий есть ни что иное, как способ производства и поддержания ее организационных характеристик. Такие структурные феномены, как распределение доходов и рода занятий, семейные связи, классовые страты и статистические свойства языка, являются эмерджентными продуктами обширной коммуникативной, перцептивной, мыслительной и прочей «приспособительной» работы, когда люди — согласованно и

* *Garfinkel H. A conception of, and experiments with, «trust» as a condition of stable concerted actions // Motivation and Social Interaction: Cognitive Determinants / Harvey O. J. (Ed.). New York: Ronald, 1963. P. 187–238.*

© Корбут А., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

¹ Настоящее исследование поддержано научно-исследовательским грантом SF-81, предоставленным Министерством здравоохранения. Особая благодарность д-рам Эгону Биттнеру, Аарону В. Сикурелю, Ирвингу Гофману, Генри У. Рикену-младшему, Эдварду Р. Роузу и Элеаноре Б. Шелдон за любезно высказанные критические замечания и предложения.

сталкиваясь «изнутри общества» со средами, в которые общество их помещает, — создают, поддерживают, восстанавливают и изменяют социальные структуры, представляющие собой сборные продукты темпорально протяженных способов действия, направленных на эти среды, какими люди их «знают». Одновременно эти социальные структуры являются условиями согласованного управления людьми данными средами².

Эту концепцию можно также сформулировать в виде нескольких правдоподобных допущений, лежащих в основе излагаемой здесь программы.

1. Организационные и операциональные черты согласованных действий в значительной степени определяются тем, что работники системы рассматривают в качестве актуальных и потенциальных проявлений воспринимаемо нормальных событий их межличностных сред и отношений взаимодействия.

2. Человек реагирует не только на воспринимаемые поступки, чувства, мотивы, взаимоотношения и иные социально организованные черты окружающей его жизни, но, что более релевантно для целей настоящей программы, и на воспринимаемую нормальность этих событий. Под «воспринимаемой нормальностью» событий я имею в виду *воспринимаемые формальные* черты, которыми обладают для воспринимающего средовые события как случаи определенного класса событий, т. е. *типичность*; их «шансы» произойти, т. е. *вероятность*; их *сопоставимость* с прошлыми или будущими событиями; условия их появления, т. е. *каузальную текстуру*; их место в совокупности связей «средства—цели», т. е. *инструментальную эффективность*, и их необходимость в соответствии с естественным или моральным порядком, т. е. *моральную требуемость*.

3. В случаях расхождений между ожидаемыми и актуальными событиями люди предпринимают соответствующую перцептивную и мыслительную работу, посредством которой такие расхождения «нормализуются». Под «нормализацией» я подразумеваю восстановление воспринимаемо нормальных показателей типичности, сопоставимости, вероятности, каузальной текстуры, инструментальной эффективности и моральной требуемости.

4. Случаи «неприятного сюрприза», как и работа по нормализации, не возникают ни идиосинкратически, ни независимо от рутинизированных социальных структур группы. Такие случаи и такая работа не только определяются рутинизированными структурами, но и определяют их.

5. Устойчивость, преемственность, воспроизводимость, стандартизация, единообразие социальных структур — т. е. их «стабильность» во времени и при смене действующих работников — являются эмерджентными продуктами тех воспринимаемо нормальных показателей межличностных событий, которые члены группы пытаются поддерживать своими приспособительными действиями.

6. Для соотнесения, с одной стороны, стабильных черт социальных структур и, с другой, восприятия межличностных сред «изнутри», рекомендуется использовать две теоремы, которые эксплицируются систематической теорией Парсонса [23]: а) социальные структуры *заключаются* в институционализированных паттернах нормативной культуры; б) стабильные черты социальных структур как сборок согласованных действий гарантируются мотивированным согласием с легитимным порядком.

Наша задача — выяснить, что необходимо, чтобы создать для членов группы, обладающей стабильными чертами, воспринимаемую среду событий, являющуюся «специфически бессмысленной». Данный термин, заимствованный у Макса Вебера [1], обозначает события, которые воспринимаются членами группы как нетипичные, каузально

² Эту доктрину иллюстрирует прекрасный рассказ Роберта М. Коутса «Закон» [16, р.41]. Однажды приятным весенним вечером у въезда на мост Триборо со стороны Манхэттена образуется огромная пробка, тянущаяся через весь остров. Водители пытаются выяснить друг у друга, чем вызван затор, но никто ничего не знает. По словам Коутса, в эту ночь «пал закон средних чисел». В тот вечер все автовладельцы Манхэттена вдруг решили, что было бы неплохо прокатиться на Лонг-Айленд.

неопределенные и произвольно возникающие, а также лишённые релевантной истории или будущего, средственного характера либо моральной необходимости.

В идеальном случае, т. е. в соответствии с такой теорией социальной организации, которую предлагает Дюркгейм [2], поведенческие состояния, сопровождающие воспринимаемые среды с подобными свойствами, состояли бы в полном прекращении деятельности. По мере приближения к этому идеальному конечному состоянию должны наблюдаться такие формы поведения, как замешательство, нерешительность, внутренний конфликт, огромное неудобство, психосоциальная изоляция, общая острая тревога, утрата идентичности и различные симптомы деперсонализации. Словом, должно наблюдаться то, что Пол Шилдер [24] блестяще назвал «амнезией социальной структуры». Дезорганизованные черты социальных структур должны варьироваться соответствующим образом. Тяжесть этих эффектов должна варьироваться в прямой зависимости от осуществимой приверженности людей, т. е. от тех условий, которые гарантируют мотивированное согласие с легитимным порядком. Подобная приверженность представляется изнутри как схватывание и принятие «естественных фактов жизни в обществе». Поскольку с точки зрения члена общества эти «естественные факты жизни», т. е. общая культура, описываются как мир, известный и принимаемый на веру сообщая с другими членами, тяжесть данных эффектов должна варьироваться независимо от личностных характеристик, как они трактуются и определяются в большинстве общепринятых инструментов оценки личности.

Разрабатывая программу, лежащую в основе настоящей статьи, я исходил из того, что в ходе осуществления рутинизированных действий аномийные состояния преходящи, непродолжительны и неравномерно распределены как в биографии взаимодействий отдельного человека, так и среди социальных структур. Я пытаюсь найти операции, которые будут повышать и регулировать частоту и длительность подобных состояний таким образом, чтобы их появление можно было убедительно зафиксировать с помощью грубых методов непосредственного наблюдения.

Что можно сделать со сценой событий, чтобы создать для человека ситуацию, в которой он был бы неспособен «схватить», что происходит?

Использование понятия «доверие»

Я воспользуюсь привилегией теоретика и буду говорить, что осмысленные события есть целиком и исключительно события в поведенческой среде человека, определяемой по Халлоуэллу [17]. Поэтому совершенно незачем заглядывать внутрь черепной коробки, так как там нет ничего интересного, кроме мозгов. «Кожа» человека останется в целостности и сохранности. Вместо этого вопросы будут ограничиваться операциями, которые можно предпринять в отношении событий, являющимися для человека «сценическими». Для обнаружения событий, которые должны быть изменены, чтобы вызвать аномийные состояния, я обратился к феномену доверия. Сначала я рассмотрю игры. На основе анализа их правил будет разработано понятие «конститутивного порядка событий» игры. Согласие с этим порядком будет предложено в качестве общего определения термина «доверие». Далее я подкреплю эту концепцию, изложив некоторые данные, касающиеся игры в крестик-нолики. После ряда надлежащих критических замечаний относительно использования игр я перенесу то, что мы выяснили о доверии как условии «схватывания» событий игр, на случай доверия как условия «схватывания» событий повседневной жизни. Затем будут изложены предварительные результаты в поддержку и критику этой концепции.

Базовые правила как определения составных событий игры.

Я хотел бы начать с такой стабильной ситуации, как игра. Игра выбрана потому, что ее базовые правила служат для каждого игрока схемой опознания и интерпретации как принадлежащих другим игрокам, так и своих собственных поведенческих проявлений в качестве событий игрового поведения. Базовые правила игры определяют ситуации и нормальные события игры для людей (*игроков*), которые стремятся действовать в соответствии с ними.

Изучение правил той или иной игры, например, бейсбола, шахмат или любой другой, описанной в книге игр, позволяет выделить один набор правил этой игры, отличающихся от всех прочих тем, что они демонстрируют следующие три свойства.

1) С точки зрения игрока, они очерчивают набор альтернативных площадок игры, числа игроков, последовательностей ходов и т. п., выбор которого игрок ожидает независимо от своих желаний, обстоятельств, планов, интересов или последствий выбора для него самого или для других.

2) Игрок ожидает, что тот же самый набор требуемых альтернатив обязателен для другого игрока так же, как он обязателен для него.

3) Игрок ожидает, что так же как он ожидает вышеуказанное от другого человека, так и другой человек ожидает это от него.

Назовем эти три свойства *конститутивными ожиданиями*.

Некоторые определения и замечания

1. Указанные три свойства конституируют набор правил, за которыми они закреплены. Назовем набор таких правил *базовыми правилами*. Например, базовые правила крестиков-ноликов таковы: игра ведется на поле размером три на три клетки двумя игроками, которые ходят поочередно. Первый игрок ставит значок в одну из незанятых клеток. Затем второй игрок ставит свой значок в одну из оставшихся незанятой клеток. И так далее. Термин «игрок в крестики-нолики» обозначает человека, который старается действовать в соответствии с этими возможными событиями как конститутивно ожидаемыми.

2. Конститутивные ожидания можно приписать любому числу игроков, последовательностям ходов, площадкам игры и т. п. Я буду называть тот факт, что три конститутивных ожидания приписываются некоторому конкретному набору возможных событий и не приписываются другим, *конститутивным акцентом* событий, которым они приписываются.

3. Назовем *взаимосвязанный* набор возможных событий, которому приписываются конститутивные ожидания, *конститутивным порядком событий* игры.

4. Фон Нейман и Моргенштерн [3] отмечают, что игра определяется путем перечисления ее базовых правил. С нашей точки зрения, игра определяется путем перечисления ее базовых правил, за которыми закрепляются конститутивные ожидания. Помимо базового правила существуют по крайней мере три другие черты, необходимые для описания игры как нормативного порядка или распорядка: а) оговорка «и так далее», б) означенный набор правил *предпочтительной* игры и в) означенный набор «предоставляемых игрой» условий. Кроме того, есть еще две черты, которые описывают игру так, как люди реально в нее играют: а) «надежность» этого распорядка, т. е. вероятность того, что люди будут действовать в мотивированном согласии с данным распорядком и б) неигровые условия, которые, в чем бы они ни состояли, определяют вероятность мотивированного согласия.

5. Конститутивный акцент может быть снят с одного набора возможных событий и приписан другому. Эта операция создает новую игру. Например, базовое правило крестиков-ноликов предусматривает, что первое выставление «трех значков в ряд» является победой и оканчивает игру. Если это правило изменяется таким образом, чтобы предусматривать в качестве конститутивной возможности, что победой является выставление трех значков в ряд

только на *четвертом* ходу игрока или после него (и если делается оговорка, что игроки используют только три значка, которые они могут стирать по одному за раз и переставлять в незанятую клетку), получающаяся в итоге игра известна как «нолики-крестики». Точно так же в шахматах конститутивный акцент приписывается возможности того, что фигуры сохраняют свой цвет на протяжении игры. Предусмотрев, что, пока игрок делает выбор, может быть объявлено, что заранее оговоренная комбинация фигур противника изменила цвет, Ф. Р. Клинг изобрел «шахматы с изменниками» [19].

б. Правила, остающиеся после того, как были опознаны базовые правила, могут быть исключительно первого или второго из двух типов. Это либо правила *предпочтительной игры*, либо *предоставляемые игрой условия*. Правила предпочтительной игры отличаются от базовых правил тем, что тот или иной выбор альтернативных площадок, последовательностей игры, числа фигур, числа игроков — т. е. *любые* возможности, включая те, которые в «другой игре» могли бы быть конститутивными для этой игры, — трактуется как относящийся к свободному праву игрока соглашаться с ним либо нет, исходя из любых определений «правильной процедуры», которыми он мог бы воспользоваться, например, соображениями полезности, эффективности, эстетической предпочтительности, общепринятой игры, традиционной игры и пр. Возможности, с которыми могут иметь дело правила предпочтения, обеспечиваются базовыми правилами. Например, то, что в шахматах при первом ходе белых можно пойти любой пешкой или конем и никакими другими фигурами, предусматривается базовыми правилами шахмат. Однако какую именно из этих альтернатив может выбрать игрок — решает сам игрок. За исключением того, что правила предпочтения должны иметь дело с возможностями, которые предусмотрены базовыми правилами, определения правильной игры, предусмотренные правилами предпочтения, совершенно не обязаны подчиняться базовым правилам.

Если базовые правила предоставляют определяющие критерии законной игры, то правила предпочтительной игры предоставляют определяющие критерии эффективной, или эстетичной, или общепризнанной, или, в определенном случае, слабой игры, если игрок пытается играть слабо. Решения, принимаемые игроком, *должны* удовлетворять базовым правилам и *будут* удовлетворять *некоторому* набору правил предпочтения. Разумеется, набор правил предпочтения может включать самые причудливые сочетания эффективности, эстетической правильности, общепризнанности и т. п. Базовые правила и правила предпочтения служат условиями, которым должен, либо будет удовлетворять тот или иной выбор игрока.

Помимо этих условий существуют еще некоторые дополнительные условия, которым должны удовлетворять его решения. Эти дополнительные условия, однако, *не* являются критериями, определяющими правильность решения, и не предусматриваются базовыми правилами или правилами предпочтения. Тем не менее в действительности решения игрока будут неизбежно ими ограничиваться. Эти условия обладают следующими чертами: а) они описывают характерные черты осуществления игры; б) они независимы от шансов игрока на успех или неудачу в игре; в) они инвариантны по отношению к изменяющимся состояниям игры в том смысле, что выступают условиями принятия им решений в любой ситуации, в которой должно быть принято решение; г) они остаются в силе лишь постольку, поскольку игрок трактует базовые правила игры в качестве максим своего собственного поведения и поведения своего противника, т. е. они остаются в силе постольку и лишь постольку, поскольку человек соотносит свои действия и действия других игроков по определению и интерпретации с нормативным порядком возможных событий, определяемым базовыми правилами игры.

Каждому набору базовых правил игры соответствует специфический набор предоставляемых игрой условий. В шахматах примером предоставляемых игрой условий является то, что любая ситуация игры является ситуацией с полной информацией, или что любое текущее состояние игры изменяется по принципу «все или ничего» в зависимости от актуальной игры и никогда — от предполагаемой игры. В этом и других отношениях

кригшпиль* отличается от шахмат; например, в нем игровые ситуации являются ситуациями с неполной информацией, а текущее состояние игры может изменяться в зависимости от предполагаемой игры³.

7. С точки зрения теоретика, существует интерпретативное правило, заключающееся в том, что всякие и любые игровые события являются элементами набора конститутивных или предпочтительных возможностей либо набора предоставляемых игрой условий. Сказать, что конститутивный акцент был «снят» с определенного набора событий, синонимично утверждению, что эти события были включены в набор предпочтительных возможностей. И наоборот, сказать, что события были исключены из набора предпочтительных возможностей, неизбежно означает, что они стали элементами набора конститутивных возможностей. Ситуация, когда все возможности являются конститутивными, так что набор предпочтительных возможностей пуст, определяет церемониализованную игру⁴. Говорить о наборе конститутивных возможностей как о пустом, одновременно подразумевая игру, — формальный нонсенс⁵.

8. Будем говорить, что люди *доверяют* друг другу, если их трактовки межличностных сред — игровых или любых иных — регулируются конститутивными ожиданиями.

9. Понятие доверия связано с понятием воспринимаемо нормальных сред следующим образом. Говорить, что один человек «доверяет» другому, значит утверждать, что этот человек старается действовать так, чтобы производить своими действиями или учитывать в качестве условий игры актуальные события, которые соответствуют нормативным порядкам событий, отображенным в базовых правилах игры. Иными словами, игрок принимает на веру базовые правила игры как определение своей ситуации, а значит, безусловно, и как определение своих взаимоотношений с другими.

Воспринимаемо нормальные среды игровых событий

Теперь необходимо упомянуть еще несколько черт базовых правил, чтобы показать, что события, отображаемые в базовых правилах игры (т. е. конститутивный порядок игровых событий), предоставляют человеку, который старается действовать в согласии с этими базовыми правилами, определение нормальных событий ведения игры.

1. События, отображаемые базовыми правилами, являются категорическими возможностями. По сути они определяют среду игровых событий как область возможных наблюдаемостей, которые, подобно событиям идеализированного эксперимента, описываемого Феллером [4] при обсуждении пространства выборов, представляют собой правила релевантности, посредством которых опознаются существенные черты конкретных

* Кригшпиль — разновидность шахмат, предполагающая игру вслепую: игроки не видят фигур соперника, о которых они узнают в результате своих ходов. Своего рода «морской бой» с помощью шахмат. — *Прим. перев.*

³ Эти отличия показательны, но не определяющие. Определяющим образом тема предоставляемых игрой условий рассматривается в ряде неопубликованных работ автора, в частности, в главе 5 «Руководства по Парсонсу» и в главе 6 «Очерков по этнометодологии».

⁴ Условия церемониализованной игры в шахматы были бы соблюдены, если бы два человека, А и Б, согласились играть и играли бы следующим образом. Перед началом игры А и Б договариваются, что когда А сделает, скажем, ход КР-К4, Б сделает ход QR-Q3, затем А сделает ход QR-Q4, в ответ на что Б сделает ход КР-К4, после чего А сделает ход X, а Б в ответ — ход Y, затем А пойдет так-то и так-то, а Б, в свою очередь, — так-то и так-то, и так далее до тех пор, пока не будет оговорено построение всей игры. Затем А и Б договариваются трактовать условленную программу как набор базовых правил. Единственная оставшаяся неясность заключалась бы в том, будут ли они в своей актуальной игре придерживаться этого договора. Поочередные чтения в церкви напоминают такого рода церемониализованную игру.

⁵ Под формальным нонсенсом имеется в виду то, что можно говорить об игре, не содержащей никаких конститутивных правил, однако в результате происходит рядоположение терминов, каждый из которых имеет свое собственное значение, но объект, подразумеваемый этими терминами как спецификациями данного объекта, не поддается схватыванию. С тем же результатом можно говорить и о круглом квадрате, или о треугольнике, сумма углов которого больше суммы трех прямых углов, или о холодильнике, лишенном вместимости, или о звуке, имеющем интенсивность и амплитуду, но не имеющем длительности.

актуальных наблюдений. События, предусматриваемые базовыми правилами, являются подразумеваемыми событиями и очерчивают сущностное единообразие всех актуальных наблюдений, которые можно поместить под юрисдикцию подразумеваемых событий в качестве конкретных случаев подразумеваемых событий.

2. Как категорические возможности, события, предусматриваемые базовыми правилами, обладают свойством оставаться инвариантными по отношению к меняющимся актуальным состояниям игры.

3. Будучи инвариантными по отношению к актуальным способам ведения игры, эти ожидаемые единообразия выступают стандартами, т. е. определениями правильной игры. Тем самым они служат основанием для опознания странного хода, т. е. хода «вне игры».

4. Помещение актуальных наблюдений под юрисдикцию подразумеваемых наблюдений, предусмотренных базовыми правилами, — это вопрос процедур обоснования притязания на то, что актуальные-наблюдаемые-проявления-объекта и объект-подразумеваемый-конкретными-актуальными-проявлениями соответствуют друг другу. Проблематичный характер этого соответствия заключается в предусматривании правил, посредством которых относительно первых и второго, фактически находящихся в отношении обозначения, т. е. знаковом отношении, можно решить, в чем заключается это отношение обозначения. Например, является ли знаковое отношение отношением метки, знака, символа, индекса, иконы, документа, тропа, глоссы, аналогии или свидетельства? Или является ли актуальное наблюдение вообще событием «в игре»?

Базовые правила обеспечивают решение проблемы юрисдикции, предусматривая смысл «адекватного опознания» актуальных проявлений как опознанных проявлений-объекта. Специфицируя область возможных игровых действий, базовые правила определяют область «возможных игровых действий», которым можно приписать переменную «простых поведенческих актов»⁶. Базовые правила очерчивают набор возможных событий игры, которые могут обозначаться наблюдаемыми поведенческими актами.

К примеру, игроки в бридж реагируют на действия друг друга как на события бриджа, а не как на поведенческие события. Они не истолковывают тот факт, что другой игрок достает карту из своей руки и опускает ее на стол, как событие «выкладывание игровой карты» или «осуществление перемещения карты». Вместо этого посредством перемещения карты игрок сигнализирует, что «сыграл тузом пик как первой картой взятки». С точки зрения игрока, вопрос «Что действительно может произойти?» получает правильное решение в рамках базовых правил.

5. Каждый особый набор базовых правил определяет особую область возможных игровых событий, в соответствии с которой может быть приведено внешне идентичное поведенческое проявление.

6. С точки зрения игрока, в рамках этих правил правильное решение получает, что касается игрока, не только вопрос «Что может произойти?», но и вопрос «Что произошло?». Базовые правила служат терминами, при помощи которых характер событий игры не только *может* опознаваться, но и, что касается игроков, *обязан* опознаваться. В более общем смысле они служат набором presuppositions — названным Шюцем [13] «схемой интерпретации и выражения» игрока, — благодаря которым собственное поведение игрока, а также поведение другого человека идентифицируются игроком как *данные о действии*.

Это свойство можно представить в общей форме в виде следующей теоремы. Правильность соответствия знака референту устанавливается исходя из допускаемого конститутивного порядка, который определяет «правильное соответствие».

То, что верно для отношений знак—референт, верно и для отношений между термином и словом, термином и понятием, фонемой и лексемой, словом и значением, поведением и действием, предложением и пропозицией, проявлением и объектом. Все эти пары формально

⁶ Под «простыми поведенческими актами» я имею в виду все события внешнего поведения, рассматриваемые исходя из их определения как «изменений положения тела в системе физических координат».

эквивалентны. Поведение обозначает действие в рамках допускаемого нормативного порядка.

Последние соображения можно резюмировать следующим образом: базовые правила придают поведению *смысл* действия. Они представляют собой термины, с помощью которых игрок решает, правильно ли он определил «Что произошло?». За счет этих правил за поведением «закрепляется» «субъективное значение».

В той мере, в какой игрок соотносит с другими игроками правильность своих решений относительно значений правил как значений, известных сообща с ними, мы можем говорить об объективном характере правил и, тем самым, об *объективном* характере игровых событий. В той мере, в какой игрок соотносит правильность своих решений относительно значений правил с персональными (своими или выдвигаемыми другими игроками) интерпретациями правил, мы можем, вслед за Кауфманом [18], говорить о *субъективном* характере правил и, тем самым, о субъективном характере игровых событий.

7. Для человека, старающегося соответствовать конститутивному порядку игры, действие — достаточно *одного*, — которое нарушает базовые правила, специфически неуместно, и его *возникновение препятствует игре как порядку действий*.

А) Действие, которое идет вразрез с тем, что предписывают базовые правила игры, специфически бессмысленно, т. е. приобретает *воспринимаемые* свойства непредсказуемости, произвольности, неопределенности, отсутствия каузальной текстуры, средственного характера и моральной необходимости. О человеке, чья поведенческая среда событий демонстрирует эти свойства, мы говорим, что он «в замешательстве». В поведенческом плане мы должны ожидать, что он будет действовать так, как было описано в начале настоящей статьи.

Б) Свойством действия, нарушающего конститутивное ожидание, является то, что игрок не может опознать это действие, не сменив «конститутивный акцент», которым наделяются события игры, т. е. не сделав их предпочтительными. Например, рассмотрим конститутивный порядок последовательной игры в «крестики-нолики»: А, Б, А, Б... Игрок Б мог бы пойти А, Б, Б, Б. Когда конститутивный порядок предусматривает, что игроки делают ходы в последовательности А, Б, А, Б, А..., предусматривается ожидание того, что нормативная последовательность соблюдается и что актуальная последовательность производится независимо от мотивов, желаний, расчетов выгоды и т. п. игрока. Игрок, делающий свой ход «вне очереди», т. е. А, Б, Б., предъявляет своему противнику неуместную возможность того, что последовательность А, Б, А, Б, А... отдана на личное усмотрение игрока.

В) Беспорядок заключается в следующем: действие, нарушающее базовое правило, побуждает трактовать это действие в качестве конститутивного для порядка игры. Однако приписывание ему конститутивного акцента синонимично преобразованию правил игры. Говоря социологическим языком, оно побуждает к переопределению «социальной реальности» или же «нормальной игры».

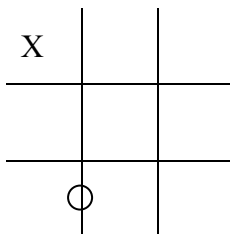
8. Даже при однородности и определенности поля физических стимулов поле игровых событий может быть лишено смысла.

Здесь может помочь различие двусмысленности и бессмысленности. Говоря, что поле *игровых событий* становится двусмысленным, я имею в виду, что распределение ставок игрока насчет «того, что произошло» среди набора альтернативных возможностей становится более равновероятным.

Под состоянием бессмысленности поля игровых событий имеется в виду то, что игрок не располагает схемой возможностей, соответствие с которой поля физических стимулов можно установить. В случае двусмысленного поля игровых событий человек не способен решить, какую из набора альтернатив игрок имел в виду в своем ходе или высказывании. В бессмысленном поле человек, хотя и слышит высказывание, произнесенное на четком и правильном английском языке, не опознает его как высказывание по-английски. Что верно для высказывания, верно и для любой другой формы поведения, поскольку отношение

знак—референт, применимое к отношениям между высказываниями и пропозициями, в равной степени применимо к отношениям между поведением и действием.

Разницу между двусмысленностью и бессмысленностью можно проиллюстрировать с помощью следующей процедуры. Испытуемых приглашали сыграть в крестики-нолики. После того как испытуемый делал свой ход (X), экспериментатор делал свой ход (O) следующим образом:

В некоторых случаях испытуемые реагировали упреками в адрес экспериментатора: «Не дури. Ставь свой значок в клетку». В некоторых случаях, однако, испытуемые реагировали вопросом: «Ты во что играешь?»

9. Если игрок придерживается конститутивного порядка игры, знание игрока о том, что было нарушено базовое правило, не ослабляет аномийные эффекты нарушения базового правила.

10. Независимо от того, какие возможные события специфически предусматриваются правилом, — специфицируют ли они девять клеток в крестиках-ноликах, 64 позиции в шахматах, пять карт на руках в покере, скрытые доски в кригшпиле и т. п., — три определяющих свойства базовых правил инвариантны для актуального содержания правил.

Эта особенность ведет к двум важным последствиям. А) в отношении вопроса о том, что следует предпринять для производства замешательства, она позволяет нам распознать в различных полях игровых событий, т. е. в различных играх, те события, нарушение которых будет вести к идентичным последствиям, т. е., хочется надеяться, к замешательству. Б) условием замешательства является то, что участники должны быть обоюдно идентифицированными членами одного и того же сообщества, т. е. должны рассматривать друг друга как людей, предположительно связанных одним и тем же конститутивным порядком действий — «играющих в одну и ту же игру».

11. Набор «Все базовые правила» определяет игру. Из этого свойства вытекают важное следствие и важная задача. А) важное следствие состоит в том, что конститутивные структуры причастны ко *всем* игровым событиям. Б) важная невыполненная задача состоит в исследовании логических свойств набора «Все базовые правила» игры.

Каждый из этих пунктов требует дополнительных комментариев.

А) *Важное следствие*. Концепция о том, что конститутивные структуры причастны ко всем игровым событиям, отличается от общепринятых социологических концепций правил действия. Согласно современным социологическим представлениям, правила действия классифицируют действия как разрозненные наборы. Например, события поведения, отражающиеся в правиле запрета на инцест, являются частью «нравов». Правила, предписывающие распределение домашних обязанностей, являются частью «обычаев». Инструкции, сопровождающие комплект радиодеталей, являются техническими правилами. Эмили Пост описала правила этикета.

Вследствие подобных представлений все современные концепции условий социального порядка делают акцент на степени сакрального отношения к правилам как решающем условии стабильного социального порядка. Однако если бы конститутивные свойства событий не ограничивались играми, тогда пришлось бы допустить, что единообразие событий, отражающихся в нравах, обычаях и т. п., достигается благодаря набору «более фундаментальных» пресуппозиций, в соответствии с которыми поведенческие случаи воспринимаются акторами в качестве случаев *подразумеваемых* действий, которые, как

полагает член группы, «может увидеть каждый». Отсюда непосредственно вытекает ряд соображений, которые, поскольку они не вписываются в современные представления, намечают перспективу решающего эксперимента. Альтернативные соображения таковы. Если эти конститутивные свойства распространяются на повседневные события, то по отношению к проблематичной связи между нормативной регуляцией действия и стабильностью согласованного действия решающим феноменом выступает не «интенсивность аффекта», «инвестируемого» в «правило», и не авторитетный, сакральный или моральный статус правила, а воспринимаемая нормальность средовых событий, поскольку эта нормальность является функцией пресуппозиций, определяющих возможные события.

Начиная заниматься играми, мы считали само собой разумеющимся, что для игр характерна всеобъемлющая релевантность нормативной регуляции и что именно эту черту часто имели в виду исследователи, например, Хейзинга [5], когда противопоставляли целиком регулируемый и упорядоченный характер игровых событий событиям «серьезной жизни». Однако, применив процедуры индуцирования несоответствия в ситуации «реальной жизни», мы были обескуражены кажущимся бесконечным многообразием событий, способствовавших производству действительно неприятных сюрпризов. Это были самые разные события, начиная с тех, которые, согласно социологическому здравому смыслу, являются «критическими», например, поддержание непринужденной беседы, стоя вплотную к собеседнику, и заканчивая теми, которые, согласно социологическому здравому смыслу, являются «тривиальными», например, произнесение «привет» по завершении разговора. Обе процедуры вызывали тревогу, возмущение, острое переживание (как экспериментатором, так и испытуемым) обиды и горечи, требование объяснений со стороны испытуемых и т. д. Поэтому было выдвинуто предположение, что *все* действия как воспринимаемые события могут иметь конститутивную структуру и что, возможно, именно угроза нормативному порядку событий, а не нарушение «священности» правил является решающей переменной при возникновении возмущения. Эта концепция по меньшей мере правдоподобна, если учесть, что общим фактором как угрозы нормативному порядку событий, так и нарушения священности, является допущение человеком того, что он, как и его партнер, является компетентным членом того же самого сообщества, что напрямую отсылает к трем определяющим свойствам базовых правил.

Б) *Невыполненная задача*. Что касается набора «Все базовые правила», следовало бы выяснить, каковы свойства границ этого набора. Точнее, является ли этот набор целиком упорядоченным или он упорядочен лишь частично? И имеет ли какое-либо значение для осуществления актуальными игроками легитимного ведения опознаваемых игр то, упорядочен этот набор целиком или нет?

Стоит зафиксировать несколько моментов.

Что касается целиком упорядоченного характера, я не смог найти ни одной игры, где заявленные правила были бы достаточны, чтобы охватить все проблематичные возможности, которые могут появиться или которые нельзя было бы, проявив небольшую смекалку, создать в области игры. Например, несмотря на то, что шахматы вроде бы застрахованы от такого рода манипуляций, во время своего хода можно сначала поменять фигуры на доске — так, чтобы, хотя положения фигур в целом не изменились, клетки оказались бы заняты другими фигурами, — а затем сделать свой ход. В нескольких случаях, когда я так поступал, мои противники чувствовали растерянность, пытались меня остановить, требовали объяснить, что я задумал, не были уверены насчет законности моего действия (но, тем не менее, заявляли о его незаконности), давали мне понять, что я порчу им игру, и во время следующего круга заставляли меня дать обещание, что я не буду «на этот раз ничего делать». Они не меняли своего мнения, если я просил указать, в чем именно правила запрещают делать то, что я сделал, или если я говорил, что расположение фигур осталочь прежним и данный маневр никак не повлиял на мои шансы выиграть. Они даже не могли удовлетворительно *для себя* сформулировать, что именно было не так. Пытаясь справиться с

ситуацией, они ссылались на неясность моих мотивов. Один испытуемый отметил, что это напомнило ему то, как играют в баскетбол «Гарлемские путешественники»*, и что он всегда считал их баскетбол ненастоящим.

Я полагаю, что здесь мы оказываемся в области игровой версии «неоговоренных условий договора», которые, возможно, представляют собой еще одно правило, венчающее любой список базовых правил, придавая им статус соглашения между людьми играть в соответствии с ними, — правило, которое превращает данный перечень в соглашение за счет заключительного «напечатанного мелкими буквами» уведомления: «и так далее».

Что касается вопроса о том, имеет ли наличие или отсутствие у базовых правил целиком упорядоченного характера какое-нибудь значение для осуществления опознаваемой игры, то меня поражает, что, хотя правила научного исследования легко сопоставимы с базовыми правилами и правилами предпочтения в играх, во всех научных исследованиях наличествует знание исследователей об условиях, при которых им позволено ослаблять базовые правила и правила предпочтения и при этом все равно претендовать на то, что конечный продукт является адекватным научным решением проблемы исследования. В играх же условия, при которых игроки могли бы ослабить базовые правила и правила предпочтения и при этом все равно опознавать свой способ ведения игры в качестве легитимного, еще нужно отыскать. По крайней мере, до сих пор мне не удалось обнаружить ни одного подобного случая, что странно, если учесть, что смягчающий эффект правила «и так далее» легко различим во всех рассмотренных мной играх.

Наконец, мне не удалось обнаружить ни одной игры, в которой время начала, продолжительность и этапность ходов определялись бы исключительно как вопрос предпочтений игрока.

Если бы оказалось, что границы набора базовых правил принципиально размыты, что степень эксплицитности этих правил не имеет никакого значения, что их набор по сути упорядочен только частично, что каждая игра содержит свои «неоговоренные условия договора» и что время является параметром осмысленности хода, тогда у нас были бы существенные основания для оптимизма. Именно таковы свойства тех ситуаций событий, которые социологи обозначали как «определения ситуаций» «серьезной» жизни акторами и которые были изучены достаточно глубоко, чтобы можно было с уверенностью предположить наличие этих свойств. Это также оставляет открытой чрезвычайно важную возможность того, что конститутивный акцент является неотъемлемой чертой всех событий независимо от того, являются ли они событиями в сферах (Шюц называет их «конечными областями смысла») игры, научного теоретизирования, театра, развлечения, сновидения или чего-либо еще.

Вновь проблема

Независимо от того, что именно могут предусматривать правила в качестве специфически возможных событий, — специфицируют ли они девять клеток в крестиках-ноликах, шестьдесят четыре позиции в шахматах или пять карт на руках в покере, — три конститутивных ожидания инвариантны для актуального содержания правил. Они позволяют нам опознавать в разных играх те события, которые функционально тождественны с точки зрения вопроса о том, что нужно сделать, чтобы произвести замешательство. Следовательно, операция, которая должна производить замешательство в одной игре, будет делать это в любой другой игре. Если конститутивные ожидания действуют и в повседневных ситуациях, тогда операция, которая производит замешательство в одной конкретной обстановке, будет делать это в любой другой конкретной обстановке.

* «Гарлемские путешественники» — основанная в 1927 г. баскетбольная команда, прославившаяся своими шоу-программами, сочетающими мастерское владение мячом и юмор. — *Прим. перев.*

Тем самым действие этих конститутивных ожиданий в играх или в повседневных ситуациях служит важным условием стабильных черт согласованных действий.

Моя цель — показать с помощью экспериментальных демонстраций, что события, нарушающие конститутивные ожидания, умножают аномийные черты среды игровых событий, а также дезорганизованные черты структур игрового взаимодействия; что эти эффекты варьируются в прямой зависимости от степени мотивированного согласия с конститутивным порядком игры; что эти эффекты возникают независимо от личностных качеств игроков и что эти утверждения верны не только для игровых взаимодействий, но и для взаимодействий в «серьезной жизни».

Итак, мы спрашиваем:

1. Является ли нарушение базового правила в игре первостепенной детерминантой аномийных эффектов?

2. Является ли нарушение базового правила в повседневной жизни такой же первостепенной детерминантой?

Изучение базовых правил с использованием крестиков-ноликов

В роли экспериментаторов (Э) выступили 67 студентов-гуманитариев, посещавших некоторые мои курсы. Каждый сыграл в крестики-нолики с тремя или более испытуемыми (И) общим числом 253, включая детей, подростков, молодых людей и взрослых обоих полов. И, состоявшего в разной степени знакомства с Э (от членов одной семьи через различные градации дружбы до совершенно незнакомых людей), просили — после того как он принимал предложение Э сыграть — сделать ход первым. Когда И ставил свой значок, Э стирал его, переносил в другую клетку и ставил свой собственный значок, пытаясь ничем не показать И, что игра каким-либо образом необычна. Э в просили составить подробный поведенческий отчет о том, что делали и говорили И'е, а также узнать у И'х — и сообщить относительно себя, — какие чувства они испытывали, когда их пригласили сыграть, когда был сделан неправильный ход, на протяжении всей игры и после ее окончания. 67 Э в сообщили о 253 случаях игры.

Процедура подсчета. Все Э'ы, которых попросили сообщить о поведении И'х сразу после хода Э, пользовались стандартной формой отчета.

Если Э сообщал, что И:

1) проявлял удивление, был озадачен, поднимал глаза, то сообщение засчитывалось как «да», в противном случае — как «нет»;

2) проявлял или выражал замешательство или недоумение, то сообщение засчитывалось как «да», в противном случае — как «нет»;

3) проявлял раздражение, досаду или гнев, то сообщение засчитывалось как «да», в противном случае — как «нет»;

4) усмехался, улыбался или смеялся, то сообщение засчитывалось как «да», в противном случае — как «нет»;

5) выражал подозрение или требовал объяснений, то сообщение засчитывалось как «да», в противном случае — как «нет»;

6) демонстрировал некоторую реакцию, но не относящуюся к вышеперечисленным, то сообщение засчитывалось как «да».

Если протоколы не содержали достаточной информации для оценки, сообщение засчитывалось как «нет информации».

Затем подсчитывалась степень расстройств И'х, что делалось следующим образом:

1) Если не отмечалось никакой реакции либо смеха и/или испытуемый проявлял удивление, был озадачен или поднимал глаза, но ничего более, расстройство классифицировалось как «отсутствующее или слабое».

2) Если *И* демонстрировал реакции (1) и какие-либо две другие реакции из вариантов (2), (4) и (5), расстройство классифицировалось как «среднее».

3) Если *И* демонстрировал реакции (1), (2), (4) и (5), расстройство классифицировалось как «сильное».

Иногда смысл, придаваемый *И* ходу *Э*, можно было обнаружить по поведению испытуемого и его спонтанным замечаниям в конце игры. Иногда *Э* приходилось выявлять его, спрашивая *И*: «Как ты к этому относишься?». Одни *Э* спрашивали об этом до, другие — после раскрытия экспериментального замысла.

Замечания *И* х оценивались следующим образом:

1) Если *И*: а) действовал так, словно ничто не требовало объяснения или не существовало никакой проблемы и/или б) если он говорил, что, по его мнению, *Э* испытывает новый способ игры, помешан на крестиках-ноликах либо играет или пробует играть в новую игру, это засчитывалось как отказ *И* от порядка крестиков-ноликов и избрание нового порядка.

2) Если *И* говорил, а) что за этим скрывалась определенная хитрость (например, что это был комический трюк, что *Э* вел себя экстравагантно или баловался, что это был тест или некий эксперимент) и/или б) что *Э* играл в «неизвестную игру» (например, *Э* запутывал *И* или на самом деле не играл в крестики-нолики, *И* обманывался или высмеивался, *Э* использовал данный способ ведения игры, чтобы сделать завуалированное сексуальное предложение или высказаться по поводу глупости *И*, или *Э* строил из себя самого умного), считалось, что *И* воспринимал *Э* как играющего в неизвестную игру. Оба варианта, (а) и (б), пункта 2 рассматривались как отказ *И* от порядка крестиков-ноликов, но без выбора альтернативного порядка.

3) Если *И* говорил, что *Э* играл в крестики-нолики, но жульничал, это засчитывалось как сохранение *И* порядка крестиков-ноликов.

И мог продолжить игру, отказаться от продолжения игры или начать играть в «не-игру», т. е. играть в аналогичную игру или ответно срывать игру (например, повторяя способ ведения игры *Э* или действуя по принципу «ты играешь, как тебе вздумается, и я могу играть, как мне вздумается», «ты срываешь мне игру, и я буду срывать тебе игру» или «ты думаешь, что можешь выиграть подобным образом, но я сейчас поставлю все свои значки и выиграю»).

Результаты. В таблицах 1.1–1.7 приведены результаты. Представленные ниже обширные данные достаточно красноречивы, чтобы вызывать по крайней мере первичное доверие.

ТАБЛИЦА 1.1. Как воспринимался «неправильный» ход?

	Возрастная категория									
	5–11		12–17		18–35		36–65		Все испытуемые	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Сообщалось о той или иной реакции на необычный характер хода	54	94,7	19	95,0	138	94,5	29	96,7	240	94,9
Сообщалось об отсутствии реакции на необычный характер хода	3	5,3	1	5,0	8	5,5	1	3,3	13	5,1
Все испытуемые	57	100,	20	100,	146	100,	30	100,	253	100,

ТАБЛИЦА 1.2. Мотивировал ли ход немедленную попытку понять, что происходит?

	Возрастная категория								Все испытуемы е	
	5–11		12–17		18–35		36–65			
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Что угодно, начиная с просьбы и заканчивая требованием объяснения	20	35,1	14	70,0	82	56,2	15	50,0	131	51,8
Обвиняет, «раскусывает» ход, критикует или не признаёт экспериментатора	29	51,0	0	0,0	28	19,2	9	30,0	66	26,1
Наблюдается эффект, но не относящийся к вышеперечисленны м	5	8,7	5	25,0	28	19,2	5	16,7	43	17,0
Не отмечается никакого непосредственного изменения или реакции	3	5,2	1	5,0	8	5,4	1	3,3	13	5,1
Все испытуемые	57	100,0	20	100,0	146	100,0	30	100,0	253	100,0
Все испытуемые, выдвигавшие просьбы	49	86,1	14	70,0	110	75,4	24	80,0	197	77,9

ТАБЛИЦА 1.3. На кого испытуемый возлагал ответственность за характер игры?

	Возрастная категория								Все испытуемы е	
	5–11		12–17		18–35		36–65			
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Ты играешь неправильно	43	75,5	14	70,0	101	69,2	26	86,6	184	72,7
Я играю неправильно	6	10,5	2	10,0	12	8,2	0	0,0	20	7,9
Мы оба могли бы играть правильно, но не играем (срыв игры)	8	14,0	4	20,0	33	22,7	4	13,4	49	19,4
Все испытуемые	57	100,0	20	100,0	146	100,0	30	100,0	253	100,0

ТАБЛИЦА 1.4

Как зависела степень расстройства испытуемого от характера приверженности испытуемого к определенному нормативному порядку?

Степень расстройства испытуемого	Испытуемый нормализовывал неправильный ход через								
	Избрание нового порядка		Отказ от крестиков-ноликов, но без выбора альтернативы		Сохранение порядка крестиков-ноликов		Все испытуемые		
	N	%	N	%	N	%	N	%	
Отсутствует слабое	или 26	86,7	36	30,8	20	19,4	81	32,8	
Среднее	3	10,0	46	40,3	32	31,1	81	32,8	
Сильное	1	3,3	33	28,9	51	49,5	85	34,4	
Все испытуемые	30	100,0	114	100,0	103	100,0	247	100,0	
Нет информации								6	

$\chi^2 = 55,43$ при 6 d.f. $p < .001$ при условии, что степень расстройства и избрание нормативного порядка варьировались независимо друг от друга.

ТАБЛИЦА 1.5. Как зависела степень расстройства испытуемого от возраста испытуемого?

Степень расстройства испытуемого	Возрастная группа								Все испытуемые	
	5–11		12–17		18–35		36–65		ε	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Отсутствует слабое	или 14	25,5	3	12,0	54	37,2	11	36,7	82	32,8
Среднее	14	25,5	8	40,0	51	35,2	9	30,0	82	32,8
Сильное	27	49,0	9	45,0	40	27,6	10	33,3	86	34,4
Все испытуемые	55	100,0	20	100,0	145	100,0	30	100,0	250	100,0
Нет информации										3

$\chi^2 = 11,39$ при 6 d.f. $.10 < p < .05$ при условии, что возрастная группа и степень расстройства варьировались независимо друг от друга.

ТАБЛИЦА 1.6. Как зависела степень расстройтва испытуемого от степени знакомства между испытуемым и экспериментатором?

Степень расстройтва испытуемого	Степень знакомства									
	Незнакомец		Знакомый		Друг		Члены семьи		Все испытуемые	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Отсутствует слабое	17	32,7	29	31,8	25	38,4	10	25,7	81	32,8
Среднее	18	34,6	27	29,7	21	32,3	16	41,0	82	33,2
Сильное	17	32,7	35	38,5	19	29,2	13	33,3	84	34,0
Все испытуемые	52	100,0	91	100,0	65	100,0	39	100,0	247	100,0
Нет информации										6

$\chi^2 = 3,89$ при 6 d.f. $.70 < p < .50$ при условии, что степень знакомства и степень расстройтва варьировались независимо друг от друга.

ТАБЛИЦА 1.7. Как зависела степень расстройтва испытуемого от того, одного или разного пола были испытуемые и экспериментаторы?

Степень расстройтва испытуемого	Пол испытуемого (И) и экспериментатора (Э)								Все испытуемые	
	МИ и МЭ		МИ и ЖЭ		ЖИ и МЭ		ЖИ и ЖЭ			
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Отсутствует слабое	26	32,9	20	33,3	12	30,0	20	29,9	78	31,6
Среднее	27	34,2	18	30,0	13	32,5	24	35,8	82	33,4
Сильное	26	32,9	22	36,7	15	37,5	23	34,3	86	35,0
Все испытуемые	79	100,0	60	100,0	40	100,0	67	100,0	246	100,0
Нет информации										7

$\chi^2 = 0,67$ при 6 d.f. $p > .99$ при условии, что пол испытуемого и экспериментатора и степень расстройтва варьировались независимо друг от друга.

1. Из таблицы 1.1 следует, что «неправильный» ход влиял на поведение ИХ.

2. Таблица 1.2 указывает, что три четверти ИХ были мотивированы неправильным ходом на то, чтобы сразу попытаться понять, что происходит.

3. Таблица 1.3 показывает, что три четверти игроков возлагали ответственность за характер игры на Э.

4. Таблицы 1.4–1.7 стимулируют нас пойти дальше. В идеальном случае мы бы хотели, чтобы один лишь факт неправильного хода производил аномийные эффекты, при условии,

что человек попытался восстановить нормальный характер хода в пределах нормативного порядка крестиков-ноликов.

Таблица 1.4 показывает, что люди, интерпретировавшие этот ход как ход в рамках новой игры, демонстрировали низкую степень расстройств. Те, кто отказывался от крестиков-ноликов, но без выбора альтернативного порядка, демонстрировали большее расстройство. Те, кто пытался нормализовать ход в пределах порядка крестиков-ноликов, демонстрировали наибольшее расстройство.

Таблицы 1.5–1.7 показывают, что степень замешательства варьировала независимо от возраста испытуемых, степени знакомства между испытуемым и экспериментатором, а также того, были испытуемые и экспериментаторы одного или разного пола.

Результаты использования крестиков-ноликов подтвердили два важных теоретических момента. Во-первых, поведение, противоречившее конститутивному порядку игры, мотивировало немедленные попытки нормализовать это расхождение, т. е. истолковать наблюдаемое поведение как случай легально возможного события. Во-вторых, при условии нарушения легальной игры, расходящееся с ней событие приводило к наиболее бессмысленной ситуации тогда, когда игрок пытался нормализовать расхождение, одновременно стараясь сохранить конститутивный порядок неизменным, т. е. не выходить из игры и не ориентироваться на «новую игру».

Кроме того, мы обнаружили, что крестики-нолики вызывали достоверное и устойчивое замешательство у детей, особенно в возрасте от 5 до 11 лет. Эта процедура была менее эффективна в тех случаях, когда нужно было вызвать замешательство у взрослых, хотя применительно к ним она была крайне эффективна для того, чтобы возникла двусмысленная ситуация. Однако в протоколах экспериментов как со взрослыми, так и с детьми зафиксировано множество проявлений недоверия, которые не зависели от возраста, пола или степени знакомства с экспериментатором.

Ограничение на дальнейшее использование игр

В конечном счете, нас интересует возникновение замешательства не в ходе игр, а в «серьезных» ситуациях. Поскольку конститутивные ожидания доказали свою полезность в крестиках-ноликах, поставим вопрос о том, можно ли обнаружить конститутивные ожидания в событиях повседневной жизни.

Их можно обнаружить, но для этого рассмотрим ситуации, отличающиеся от игр.

Обращение к играм неправомерно, потому что игровые события структурно не совпадают с событиями обыденной жизни. Они настолько различны, что всякий разговор о нормах повседневных ситуаций как «правилах игры» оказывается простой фигурой речи. К тому же, поскольку многие взрослые сумели отказаться от игры, не разрушив своих взаимоотношений с экспериментатором, использовать результаты, касающиеся крестиков-ноликов, для того, чтобы выяснить, как возникает замешательство в повседневных ситуациях, нельзя.

Если в качестве отправной точки взять анализ ситуаций игры, проведенный Хейзингой [5], то обнаружится, что ситуации игр заметно отличаются от ситуаций, в основе которых лежит рутинное социальное структурирование событий повседневной жизни, следующими чертами.

1. В отличие от событий повседневной жизни, игровые события — как в процессе их протекания, так и в ретроспективе, будучи уже осуществленными — обладают особой временной структурой, ведь для всех состояний игры время ее проведения принципиально ограничено. Неотъемлемый смысл любого настоящего события игры предусматривается предполагаемым будущим — определенным временем, к которому игра будет закончена, например, через конкретное число ходов, когда бегуны достигнут финишной ленточки или по истечении шестидесяти минут игры. Тем самым осуществленная игра представляет собой замкнутый во времени эпизод. Базовые правила и актуальный осуществленный ход игры

полностью определяют этот эпизод как текстуру релевантностей. Еще одним характерным свойством выступает то, что успех и неудача легко различимы, и поэтому тот или иной исход крайне редко подвергается переинтерпретации. Кроме того, оценки успеха или неудачи не откладываются до тех пор, пока последующие обстоятельства, выходящие *за рамки* эпизода, хода игры либо всей игры в целом, не позволят установить, что этот эпизод «на самом деле означал». Наконец, знание о том, что игра будет завершена к определенному времени, актуально и потенциально доступно при любом нынешнем состоянии игры каждому игроку идентичным образом.

2. Любое расхождение между «официальным» определением игры и частными представлениями и оговорками человека никак не влияет на определение спектра возможных игровых событий и исходов. Для игроков игра является публичным мероприятием, возможности которого обусловлены мотивированным согласием человека с его базовыми правилами, и эти правила определяют общепринято понимаемую область. Базовые правила представляют собой по сути объективные правила, в том смысле, в каком «объективное» определяется Кауфманом [18]. Предусматриваемые ими события являются по сути объективными событиями.

3. Нахождение «в игре» предполагает, по определению, приостановку пресуппозиций и процедур «серьезной» жизни. Многие исследователи игр отмечали эту особенность, говоря об игре как об «искусственном мире в микрокосме».

4. Такая приостановка является обычно вопросом индивидуальных предпочтений. Возможность «участия в игре» принципиально осуществима. Кроме того, обычно, если, например, что-то пошло не так, человек в принципе может «выйти» из игры или сменить ее на другую, и это опять же вопрос его индивидуальных предпочтений.

5. Обычно «выход» из игры синонимичен восстановлению мира повседневной жизни как среды событий и установки повседневной жизни, которая эту среду конституирует. Пресуппозиции игры являются продуктом определенных модификаций пресуппозиций повседневной жизни, которые временно и добровольно приостанавливаются, т. е. делаются нерелевантными для хода игры.

6. Хотя в ходе игры стратегии могут быть в значительной степени импровизированными, а условия успеха и неудачи — неясными для игроков, базовые правила игры известны на всем протяжении игры. Они не зависят от изменения состояния игры и выбора стратегий и доступны для использования игроками, которые предполагают их доступность в качестве необходимого знания, имеющегося у игроков до возникновения ситуаций, требующих обращения к этим правилам с целью выбора одной из легальных альтернатив.

7. Актуальный ход игры не меняет базовые правила игры. В играх, в их привычном понимании, игроки не только знают базовые правила игры до того, как в нее вступают. Участвуя в игре, они не узнают об этих правилах ничего нового. Очевидно, подобную ситуацию следует отличать от ситуации, в которой базовые правила узнаются игроком только в ходе игры и только по причине его участия в ней, т. е. когда его действия опознаются, пересматриваются и корректируются в соответствии с неизвестным набором базовых правил.

8. Что касается базовых правил игры, то существует практически полное соответствие между нормативными описаниями игрового поведения и актуальным игровым поведением. Эмпирически это соответствие обнаруживается не только в самом способе ведения игры, но и между способами ее ведения. Подобное соответствие между нормативными описаниями повседневного поведения и актуальным повседневным поведением является исключением.

9. В той мере, в какой игроки придерживаются согласия с базовыми правилами, эти правила обеспечивают игроков определениями рациональных, реалистических, понятных действий в среде игровых событий. Действия, согласующиеся с базовыми правилами, определяют в играх «честную игру», в то время как возможные исходы игры определяют ее «справедливость».

10. В пределах базовых правил, которые предполагаются каждым из участников в качестве более-менее равно обязательных для них самих и для других участников, каждый игрок в принципе⁷ может применять такие стратегии, которые наиболее строго соответствуют нормам инструментальной эффективности. Кроме того, каждый игрок имеет принципиальную возможность предполагать или требовать для себя или своего партнера, не перечеркивая свое схватывание той игры, в которую они играют.

Конститутивный порядок событий повседневной жизни

Можно ли обнаружить «конститутивный акцент» в ситуациях событий «серьезной» жизни? Я полагаю, что три определяющих свойства базовых правил игры специфичны не только для игр, они обнаруживаются как свойства тех «допущений», которые Альфред Шюц в своих работах, посвященных конститутивной феноменологии ситуаций повседневной жизни [7; 12], назвал «установкой повседневной жизни».

Прежде чем перечислить черты, которыми эта установка наделяет события, целесообразно остановиться на том моменте, что допущения и правила могут быть переведены на язык ожидаемых событий. Например, говорить, что игрок допускает правило крестиков-ноликов, согласно которому игроки ходят поочередно А, Б, А, Б..., значит говорить, что ход его действий управляется нормативной последовательностью событий А, Б, А, Б... Утверждение, что человек нечто «допускает», эквивалентно утверждению, что он это «допускает относительно возможного расклада событий», что в свою очередь эквивалентно утверждению, что его действия строятся исходя из того ограниченного способа, каким могут происходить возможные события. Следовательно, то, что он, как утверждается, «допускает», представляет собой приписываемые черты событий, являющихся для него «сценическими». Он воспринимает их смысл как ограниченную рамку альтернативных спецификаций сцены событий. Поэтому актер способен испытывать «изумление», когда актуальные события нарушают эти ожидания.

Конститутивный акцент определяется следующей формулой, которая может быть применена к каждой из черт ситуации событий, обсуждаемой Шюцем, когда он перечисляет допущения установки повседневной жизни. Каждая из этих черт обладает исходным атрибутом: «При наличии альтернативных возможностей человек а) ожидает, что... (вставить релевантную черту); б) ожидает, что как это относится к нему, так это относится и к другому человеку, и в) ожидает, что как он ожидает, что это относится к другому человеку, так и другой человек ожидает, что это относится к нему».

⁷ Мне кажется, хотя я не могу это доказать, что в играх, в отличие от повседневной деятельности, лишь смекалка игрока или его произвольное желание ограничивают возможность того, что его стратегии игры будут соответствовать строгим соображениям инструментальной эффективности. В играх базовые правила, и только базовые правила, навязывают нечто эквивалентное «институциональным ограничениям рациональности», которые функционируют в делах «серьезной жизни». Материальная рациональность, о которой говорил Макс Вебер, проявляется в рыночных транзакциях как необходимое условие стабильных калькуляций в пределах и в отношении подобных транзакций. В такой «практической обстановке» попытки установить и санкционировать действия, согласующиеся с идеалом формальной рациональности, как ее называет Вебер, мешали бы схватыванию человеком своей реальной ситуации, анонимизировали бы воспринимаемую среду актуальных и возможных транзакционных событий и дезорганизовывали бы взаимодействие. В играх, напротив, проявляется формальная рациональность, а не материальная, поскольку игроки могут выбирать то или иное; либо материальная рациональность может проявляться в игре лишь потому, что игроки могут знать недостаточно, чтобы играть как-то иначе.

Установка повседневной жизни

В ряде классических работ по социологической теории, посвященных конститутивной феноменологии ситуаций повседневной жизни [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], Шюц описал те пресуппозиции, исходя из которых актор приписывает сценическим событиям конститутивные для него значения сценической черты «известное сообща с другими». В соответствии с программой, установкой и методом гуссерлевской феноменологии [6, с. 635–678], Шюц стремился отыскать такие пресуппозиции и подразумеваемые ими соответствующие средовые черты, которые были бы инвариантны для специфических содержаний действий и их объектов. Этот список не является исчерпывающим. Дальнейшие исследования должны выявить и другие черты. Как и любой продукт наблюдения, они имеют предварительный статус «таковых до тех пор, пока не продемонстрировано обратное».

1. Шюц обнаружил, что в повседневных ситуациях «практический теоретик» производит упорядочивание событий, пытаясь сохранить и санкционировать пресуппозицию, гласящую, что объекты мира таковы, какими они кажутся. Занимаясь повседневными делами, человек стремится интерпретировать эти дела, выдерживая линию «официальной» нейтральности в отношении той точки зрения, что к *любым* объектам мира можно применить *правило сомнения* в том, что они таковы, какими кажутся. Вместо этого допущение человека заключается в ожидании того, что между конкретным проявлением-объекта и подразумеваемым-объектом-проявляющимся-этим-конкретным-способом существует отношение несомненного соответствия. Исходя из набора возможных отношений между актуальными проявлениями объекта и подразумеваемым объектом, например, отношения *сомнительного* соответствия между ними, человек ожидает, что предполагаемое несомненное соответствие является санкционируемым. Он ожидает, что другой человек использует такое же ожидание более-менее идентичным образом, и ожидает, что, так же, как он ожидает, что это отношение будет в силе для другого человека, так и другой человек ожидает, что оно будет в силе для него.

2. Второе допущение Шюц обозначает как практический интерес человека к событиям мира. Релевантные черты событий, которые отбираются в соответствии с его интересом к ним, несут с собой для человека в качестве *их* инвариантной черты то, что они могут актуально и потенциально влиять на действия человека и испытывать влияние его действий. При наличии этой предполагаемой черты событий человек считает точность своих упорядочиваний событий проверенной и проверяемой без приостановки релевантности того, что он знает в качестве факта, предположения, догадки, фантазии и пр. благодаря своим телесным и социальным позициям в реальном мире. События, связи между ними, их каузальная текстура не являются для него предметом теоретического интереса. Он не санкционирует представление о том, что, имея с ними дело, следует обращаться с ними исходя из правила, что он ничего не знает или что он может допустить, что ничего не знает, «просто чтобы увидеть, к чему это приведет». В повседневных ситуациях то, что он знает, является неотъемлемой чертой его социальной компетенции. Он полагает, что то, что он знает так, как он это знает, персонифицирует его как социальный объект для него самого и для других в качестве добросовестного члена группы. Он санкционирует свою компетентность добросовестного члена группы (т. е. он и другие члены принимают его компетентность как само собой разумеющуюся) в качестве условия своей уверенности в том, что его схватывание своих повседневных дел реалистично.

3. Шюц описывает временную перспективу повседневной жизни. В своей повседневной деятельности человек реифицирует поток опыта, деля его на «временные отрезки» при помощи схемы темпоральных отношений, которую, по его мнению, он и другие люди используют эквивалентным и стандартизированным образом. Разговор, который он ведет, заключается для него не только в событиях его потока опыта, но и в том, что сказано или может быть сказано за время, отмеряемое последовательными положениями стрелок часов. Не только «смысл разговора», поступательно реализуемый через последовательность

реализованных значений осуществленного к-данному-моменту хода разговора, но и каждое «к-данному-моменту» обусловлено *его* [хода разговора] предвосхищениями. Кроме того, как в каждом здесь-и-сейчас, так и на протяжении всей последовательности различных здесь-и-сейчас разговор обладает для него как своими ретроспективными, так и перспективными значимостями. Сюда относятся доступные здесь-и-сейчас отсылки к началу, длительности, темпу, фазам и окончанию. Эти детерминанты «внутреннего времени» потока переживаний он координирует с социально применяемой схемой темпоральных детерминант. Он использует схему стандартного времени в качестве средства планирования и координации своих действий с действиями других, увязывания своих интересов с интересам других и соизмерения темпа своих действий с темпом их действий. Его интерес к стандартному времени вытекает из проблем, которые решаются такими спецификациями при планировании и координации взаимодействия. Он также полагает, что схема стандартного времени является целиком публичным делом, своего рода «одними большими часами, идентичными для всех».

Существуют и другие, непохожие на указанный способы темпорального разбиения потока опыта, которые создают воспринимаемый и известный-сообща порядок событий во «внешнем мире». Например, человек, занимающийся деятельностью научного теоретизирования, использует стандартное время как средство конструирования одного из альтернативных эмпирически возможных миров (разумеется, при условии, что теоретика интересуют фактические обстоятельства). Таким образом, то, что, вследствие заинтересованности человека в урегулировании практических дел, предполагало бы использование им времени для увязывания своих интересов с поведением других, выступает, в свете его интересов, научной проблемой, которая заключается в ясной формулировке подобных программ скоординированных действий в виде причинно-следственных связей. Еще один непохожий пример можно обнаружить в восприятии событий театральной постановки. Интерес к стандартному времени отодвигается в сторону как нерелевантный. Когда театральный зритель наблюдает социальные структуры, изображенные, например, в пьесе «Итан Фром»*, он позволяет выйти на передний план судьбе влюбленных и, в качестве условия понимания, — последовательности шагов, которые привели влюбленных к такой судьбе.

4. Шюц описывает допущение «и так далее». Под ним имеется в виду допущение того, что как события происходили в прошлом, так они будут вновь происходить и в будущем.

5. С этим допущением тесно связано другое: то, что проявления событий могут вновь подразумеваться актором как ансамбль конститутивных проявлений. Тем самым постоянство подразумеваемого объекта при различных вариациях в актуальных проявлениях заключается в его темпоральной тождественности. Человек полагает, что сейчас подразумеваемый объект такой же, каким он подразумевался в прошлом и каким он вновь может подразумеваться в будущем, несмотря на факты временной дискретизации, а также смену контекста, обстоятельств и актуальных проявлений.

6. Человек допускает общепринятую схему коммуникации. Он постигает смысл сценических событий благодаря предзаданному фону того, что «знает каждый из нас». Он полагает, что такой фон используется им самим и другими людьми подобно правилам кодирования, в соответствии с которыми решается вопрос о правильном соответствии между проявлением объекта и подразумеваемым-объектом-проявляющимся-этим-специфическим-образом.

7. Шюц выявил «тезис взаимности перспектив». Этот тезис включает два допущения: а) допущение «взаимозаменяемости точек зрения» и б) допущение «совпадения релевантностей».

а) Под допущением взаимозаменяемости точек зрения имеется в виду, что человек считает само собой разумеющимся, полагает, что другой человек тоже полагает, и полагает,

* «Итан Фром» (1911) — повесть Эдит Уортон (1862–1937), повествующая о трагической любви обедневшего фермера из Новой Англии. — *Прим. перев.*

что как он полагает в отношении другого, так и другой полагает в отношении него, что если бы они поменялись местами и здесь-и-сейчас другого стало его здесь-и-сейчас, а его здесь-и-сейчас стало здесь-и-сейчас другого, он увидел бы события тем же типичным образом, каким их видит другой, а другой увидел бы их тем же типичным образом, каким их видит он.

Если сформулировать иначе, «фоновой» чертой воспринимаемой человеком ситуации является то, что, учитывая специфические актуальные проявления сцены, если бы каждый поменялся местами с другим, то каждый опознавал бы сцену более-менее схожим для всех практических целей их взаимодействия способом. Когда человек воспринимает сцену, конкретные, актуальные здесь-и-сейчас проявления сцены состоят для него в ином, нежели для другого. Человек *знает* это. Но даже при наличии этого знания сцена *в то же время* обладает для него характерной чертой, заключающейся в том, что *актуально* проявляющееся здесь-и-сейчас является потенциальным-проявлением-каким-оно-было-бы-для-другого-если-бы-они-поменялись-местами. Он полагает, что актуально видимое каждым из них может быть потенциально увидено обоими при обмене позициями. Таким образом, как обнаружил Шюц, человек полагает, что имеются разные проявления, но также допускает, что они обусловлены разными перспективными позициями в мире, идентичном для них обоих. Однако этот идентичный мир, как установил Шюц, представляет собой осуществление допускаемой возможности взаимозаменяемости позиций — физических и социальных, — при которой предполагаемая взаимозаменяемость может сталкиваться с управляемым несоответствием. Поэтому черта, которой сцена обладает для актора и которая состоит в том, что эта сцена идентична для него и для другого человека, может модифицироваться путем модификации этой пресуппозиции, например, путем изменения интереса, путем церемониального соглашения, посредством таких инструментальных манипуляций, как хирургическая операция на мозге, прием наркотиков и т. п. Идентичный мир гарантируется «способностью» человека сохранять эту пресуппозицию в непредвиденных обстоятельствах, навязываемых ему реальным миром. Позже мы еще раз обсудим этот момент.

б) Под допущением совпадения релевантностей имеется в виду, что человек полагает, что другой человек тоже полагает, и полагает, что как он полагает в отношении другого, так и другой полагает в отношении него, что различия в перспективах, которые, как человек знает, обусловлены его собственными специфическими биографическими ситуациями и специфическими биографическими ситуациями другого человека, нерелевантны для наличных целей каждого из них и что оба они выбрали и проинтерпретировали актуально и потенциально общие объекты и их черты «эмпирически идентичным» способом, достаточным для всех их практических целей.

8. Человек допускает особую «форму социальности». Помимо прочего, эта форма социальности заключается в допущении человеком того, что существует некоторое характерное несоответствие между «образом» себя, который он приписывает другому человеку в качестве знания этого человека о нем, и знанием, которым он обладает о самом себе в «глазах» этого другого человека. Он также полагает, что модификации этого характерного несоответствия остаются под его автономным контролем. Данное допущение служит правилом, с помощью которого повседневный теоретик группирует свои переживания относительно того, что на самом деле с ним происходит. Поэтому общему intersубъективному миру коммуникации соответствует необнародованное знание, которое, в глазах человека, распределяется между людьми в качестве оснований их действий, т. е. в качестве их мотивов или, в радикальном смысле слова, их «интересов» как составных черт социальных отношений взаимодействия. Человек полагает, что есть вещи, которые знает один человек и, как он полагает, не знают другие. Неведение одной стороны заключается в том, что известно другой стороне и мотивационно релевантно для первой. Поэтому вещи, известные сообща, получают свой смысл благодаря личным недомолвкам, тому, что избирательно умалчивается. Таким образом, события повседневных ситуаций обусловлены этим неотъемлемым фоном «запасных значений», тем, что известно о себе и других и что никого больше не касается: словом, частной жизнью.

Определяющие черты событий, являющихся элементами обыденной среды

Каждая из вышеперечисленных пресуппозиций приписывает набору сценических событий черту, общую для элементов этого набора. Обыденная среда определяется чертой, добавляемой ко всем элементам набора: «известное сообще с любым добросовестным членом коллектива». Результаты изысканий Шюца раскрывают составной характер черты «известное сообще». Шюц разложил эту черту на несколько черт, которые являются конститутивными значениями «известного сообще».

В чем бы конкретно ни состояло событие, будь ее детерминантами мотивы людей, их жизненные истории, распределение доходов населения, условия продвижения по службе, родственные обязательства, организация промышленности, планировка города, ночные проделки призраков или мысль, пришедшая на ум Богу, *событие является событием в обыденной среде тогда и только тогда, когда оно имеет для очевидца следующие дополнительные детерминанты.*

1. Детерминанты, приписываемые событию свидетелем, являются, с его точки зрения, приписываниями, которые он обязан делать; другой человек обязан делать те же самые приписывания; и как свидетель требует, чтобы те же самые приписывания имели силу для других людей, он полагает, что и другой требует того же самого от него.

2. С точки зрения свидетеля, санкционированным отношением между наличным-проявлением-подразумеваемого-объекта и подразумеваемым-объектом-проявляющимся-в-этом-наличном-проявлении является отношение несомненного соответствия.

3. С точки зрения свидетеля, событие, которое известно так, как оно известно, может актуально и потенциально влиять на действия и обстоятельства знающего и может испытывать влияние со стороны его действий и обстоятельств.

4. С точки зрения свидетеля, значения событий являются продуктами стандартизированного процесса именованья, реификации и идеализации потока переживаний свидетеля, т. е. продуктами того же самого языка.

5. С точки зрения свидетеля, наличные детерминанты событий, каковы бы они ни были, являются детерминантами, которые подразумевались в предыдущих случаях и которые могут вновь подразумеваться идентичным образом в бесконечном числе будущих случаев.

6. С точки зрения свидетеля, подразумеваемое событие сохраняется как темпорально идентичное событие в пределах всего потока опыта.

7. С точки зрения свидетеля, событие имеет в качестве своих контекстов интерпретации:

а) общепринятую схему коммуникации, заключающуюся в стандартизированной системе сигналов и правил кодирования, и

б) «то, что известно каждому», т. е. предустановленный корпус социально гарантированного знания.

8. С точки зрения свидетеля, актуальные детерминанты, которые событие демонстрирует ему, являются потенциальными детерминантами, которые оно бы продемонстрировало другому человеку, если бы они поменялись местами.

9. С точки зрения свидетеля, каждому событию соответствуют свои детерминанты, берущие начало в частных биографиях его самого и другого человека. С точки зрения свидетеля, такие детерминанты нерелевантны для наличных целей каждого из них, и, с точки зрения свидетеля, оба они отобрали и проинтерпретировали актуальные и потенциальные детерминанты события эмпирически идентичным способом, достаточным для всех их практических целей.

10. С точки зрения свидетеля, существует характерное несоответствие между публично признаваемыми детерминантами и личными, умалчиваемыми детерминантами событий, причем это частное знание хранится про запас. С точки зрения свидетеля, событие значит как для свидетеля, так и для другого больше, чем свидетель может выразить словами.

11. С точки зрения свидетеля, модификации этого характерного несоответствия остаются под его автономным контролем.

Обыденная среда событий

На самом деле то, что демонстрирует событие в качестве своих отличительных детерминант, не является условием включения в обыденную среду, а условиями включения является то, что эти черты были бы видимы другим, если бы они поменялись местами, что эти черты не приписываются в силу личного предпочтения, а должны быть видимы каждому, и т. д., т. е. составные черты «известного сообщества с другими».

Перечисленные выше одиннадцать черт, и только они, определяют обыденный характер события. Эти одиннадцать черт являются решающими условиями использования членами общества событий как санкционируемых оснований для дальнейших выводов и действий⁸. Для членов эти черты являются конститутивными чертами «актуальных событий в реальном обыденном мире» независимо от того, какие еще детерминанты эти события могут демонстрировать. Следовательно, если такие события, как «Мужья служат главной опорой своей семье», «Прыгнешь в воду — промокнешь», «Все евреи богаты» и «Христос придет во второй раз», называются элементами обыденной среды в целом, это равнозначно утверждению, что для свидетелей они демонстрируют вышеуказанные одиннадцать черт.

Для свидетелей эти атрибутируемые черты необходимо релевантны. Иными словами, они представляют собой неизменно предполагаемые или, лучше сказать, неизменно понимаемые черты того, на что свидетели смотрят и что они видят. Например, одной из черт картины, висящей на стене за спиной моего собеседника и видной мне, но не видной ему, пока он обращен лицом ко мне, является, наряду с привлекательностью изображенной на ней сцены, то, что он-увидел-бы-ее-если-бы-повернул-свою-голову. По сути, тот факт, что это картина-которую-он-увидел-бы-если-бы-повернул-свою-голову, я истолковываю как доказательство ее «конкретного» характера, т. е. как потенциально проверяемую спецификацию этой картины. Однако для множества ситуаций, в которые я включен, подобная спецификация картины может быть «просто само собой разумеющейся», потенциально проверяемой с помощью множества возможных операций чертой. Эта черта остается непроблематичной и не просто неосознаваемой, а даже, возможно, выходящей за рамки моего желания или способности вербализовывать ее. То, что я, тем не менее, реагирую на нее, можно продемонстрировать с помощью соответствующей операции (скажем, процедуры индуцирования несоответствия).

Эти атрибутируемые черты проясняют для свидетеля любые конкретные проявления межличностной среды, но без их обязательного осознанного или целенаправленного опознания. Напротив, эти атрибуты обычно являются «видимыми, но не замечаемыми» чертами социально структурированных сред. Хотя они доказуемо релевантны для опознаваемости средовых событий как для самого человека, так и, с его точки зрения, для окружающих его других людей, они редко привлекают его внимание. Как отмечает Шюц [12], требуется «особый мотив», чтобы сделать их предметом рассмотрения. Чем больше обстановка институционально отрегулирована и рутинизирована, тем сильнее свидетель считает само собой разумеющейся их черту «известного сообщества с другими». Поэтому данная черта принципиально важна не только для настоящей статьи, но и для социологических исследований в целом, так как извечная задача социологических исследований состоит в установлении и определении тех черт их ситуаций, на которые люди, сами того не сознавая, тем не менее, реагируют как на *необходимые* черты.

Допущения, составляющие установку повседневной жизни, конститутивны для ситуации событий как известного сообщества и само собой разумеющегося мира. Это значит, что для

⁸ Общей темой, пронизывающей определения, которые дают термину «общая культура» социологи и антропологи, является отсылка к социально санкционированным основаниям выводов и действий, совершаемых людьми, понятыми в качестве членов общества, с целью управления своими повседневными делами и используемых, как они полагают, другими членами точно таким же образом. Следовательно, можно мыслить указанные одиннадцать характеристик как конститутивные черты общей культуры и рассматривать различные ее определения как теоретические версии обыденного знания социальных структур.

человека подобная среда событий включает эти атрибуты как необходимо релевантные, т. е. как инвариантно предполагаемые, инвариантно понимаемые, точно так же как игрок в крестики-нолики при любых перипетиях игры понимает, что игровое поле состоит из девяти клеток. Эти атрибуты, касающиеся поля событий, проясняют для игрока в крестики-нолики смысл любого конкретного события игры, но не выступают осознаваемой частью его размышлений. Это относится и к человеку в повседневных средах. И как для игры в крестики-нолики справедливо то, что подобные атрибуты доказуемо релевантны для суждений игрока, но редко проблематичны, это же справедливо и для событий повседневной жизни. Такие атрибуты представляют собой черты наблюдаемых событий, которые «видятся, но не замечаются». Они доказуемо релевантны для смысла, который актер придает происходящему с ним, но редко привлекают к себе его внимание. В воспринимаемой человеком ситуации событий такие черты являются неотъемлемыми спецификациями этих событий и существенно важны для опознания им среды как состоящей из реальных и понятных событий, а также для опознания им рациональных и разумных действий, предпринимаемых в границах и в отношении этой среды.

Перечисленные нами ожидаемые черты событий трактуются как черты тех областей событий, относительно которых актер, даже если он их не осознает, способен испытать сильное и неприятное удивление. *Если предположить, что именно на этих чертах делается конститутивный акцент, то операция по умножению бессмысленности его ситуации предполагает их нарушение.* И, в соответствии с определением «доверия» в играх, конститутивный акцент, придаваемый этим событиям, предоставляет нам общее определение «доверия» в повседневных ситуациях.

Какие условия необходимо создать, чтобы вызвать замешательство?

Само по себе простое совершение действия, нарушающего конститутивное ожидание, не даст нам желаемых результатов. Чтобы убедиться в этом, обратимся еще раз к картине на стене, которую мой партнер по разговору не видит до тех пор, пока обращен лицом ко мне, но смог бы увидеть, если бы повернул голову. Представим себе, что когда я спрашиваю его: «Как тебе картина сзади?», он поворачивает голову, внимательно осматривает стену, поворачивается обратно и спрашивает: «Какая картина?» Нет ничего менее очевидного, чем то, что вследствие этого я должен испытать недоумение, даже хотя это процедура нарушения конститутивного ожидания взаимозаменяемости точек зрения. Совсем не очевидно, что результатом должно стать замешательство, поскольку до сих пор в настоящей статье не было представлено ничего, что позволяло бы решить, какие из моих альтернативных реакций на его замечание возможны, не говоря уже вероятны. Я мог бы испытать мучительную дезориентацию, но я также мог бы воспринять его замечание как грубый комментарий по поводу моих художественных вкусов или спросить шутливым тоном, давно ли он ослеп. Пока еще не было предложено ни одного правила, которое бы некоторым не эклектично-обыденным образом ограничивало набор альтернативных реакций. Например, для каждой альтернативы, которую я мог бы избрать, необходимо, чтобы я принял некоторое допущение относительно типа моих отношений с человеком. Если подразумевается, что он выше по статусу, тогда можно было бы достаточно уверенно «предсказать», что мой ответ будем иным, чем если бы он был моим близким другом.

Следовательно, требуются дополнительные решения, чтобы достичь условий, при которых следует предсказывать замешательство как логическую необходимость.

За помощью я опять обращаюсь к Шюцу [12], приняв за основу его вывод о том, что ситуации игр, развлечений, научного теоретизирования, сновидения, постановки пьесы, посещения театра производятся путем модификации пресуппозиций установки повседневной жизни. Так же как человек перестает воспринимать события «обычным способом» ради «включения в игру», в обратном случае он «покидает» театр, или «откладывает» научную проблему, или «пробуждается» ото сна, или «прекращает» игру, или «останавливает»

исполнение пьесы, только чтобы вернуться к «повседневным» событиям социального порядка. Пресуппозиции, которые конституируют черту ситуации событий «известное-сообща-с-другими-и-с-другими-считающееся-само-собой-разумеющимся», «фундаментальны» в том смысле, что все альтернативные области событий — сновидение, научное теоретизирование, восприятие пьесы — представляют собой модификации установки повседневной жизни. Например, пресуппозиции, которые конституируют для театрального зрителя смысл смерти Цезаря на руках равнодушных сенаторов, создаются в результате рассмотрения времени, которое занимает исполнение роли Юлия Цезаря, в качестве известного, но по сути нерелевантного условия для «оценивания» событий пьесы, например, опознания того, что на самом деле Антоний говорит толпе об убийцах Цезаря. Но как только занавес опускается, пресуппозиции «житейского темпорального порядка вещей» восстанавливаются, т. е. «представление окончено».

«Фундаментальные» и «производные» акценты, придаваемые порядку событий, меняются при переходе от установки повседневной жизни к альтернативным установкам как ее модификациям. Средовым продуктом каждого такого изменения будет, в том или ином случае, область «игры», «научной проблемы» или «сновидения». Каждая из них является «подобластью» событий, смысл которых выступает продуктом модификации того смысла, который события приобретают благодаря установке повседневной жизни.

При определении условий замешательства мы сталкиваемся прежде всего с тем, что каждая из возможных модификаций «смысла ситуации» предполагает специфическую приостановку нормативных порядков событий повседневной жизни. Следовательно, человек, сталкивающийся с разрушением конститутивного акцента повседневных ситуаций, может справиться с «несоответствием», «покидая поле», например, обращая свою ситуацию в «игру» или превращая ее в «эксперимент» либо «шутливую перепалку» и пр. Но, как мы только что сказали, всё это предполагает приостановку им релевантности обыденных структурных ограничений.

В случае игры в крестики-нолики мы видели, что замешательство и смущение были наиболее выражены у тех, кто пытался справиться с «удивлением», сохраняя порядок игры, т. е. не покидая игры и не переключая внимания на новую игру. Тем самым можно, по крайней мере предварительно, рекомендовать первое условие. Если мы собираемся привести нашего испытуемого в замешательство, мы должны помешать ему покинуть поле. Конкретно это означает, что если мы начинаем с ситуации, структурированной согласно пресуппозициям повседневной жизни, мы должны каким-либо образом помешать человеку превратить ситуацию в игру, или истолковать ее как предмет чисто теоретического интереса, или «увидеть» ее как эксперимент, и т. д.

Но даже если это условие соблюдено, перед нашим испытуемым все еще остается открытой важная альтернатива. Если, однако, мы признаём «фундаментальный» характер допущений повседневной жизни, доступным для него будет *только* другой вариант: он может перенести конститутивный акцент повседневной жизни на новый набор событий. Как можно было видеть на примере игр, это означает ни что иное, как переопределение социальной реальности.

Но что касается возможности отдельного человека самостоятельно достичь такого переопределения социальной реальности, многие данные говорят о том, что, хотя подобный процесс переопределения может происходить, а) его лучше совершать совместно с другими, б) он отнимает время и в) он имеет в качестве своего продукта допущение человеком всеобщей достоверности переопределенной реальности.

Итак, мы выявили условия, которые нам необходимо создать, чтобы запрограммировать ряд манипуляций, которые приведут к умножению аномийных черт ситуации человека. Если человек не может покинуть поле и если он не может перенести конститутивный акцент на новый набор событий, потому что он должен совершить переопределение самостоятельно, в условиях нехватки времени и не имея возможности допустить, что новый акцент находит всеобщую поддержку, у него должна быть только одна альтернатива: нормализовать

нарушение конститутивных ожиданий в пределах нормативного порядка событий повседневной жизни. Результатом должно стать замешательство.

Некоторые предварительные опыты и результаты

Поскольку каждая из пресуппозиций, образующих установку повседневной жизни, приписывает среде актора ожидаемую черту, должна существовать возможность экспериментального индуцирования нарушения этих ожиданий путем целенаправленной модификации сценических событий таким образом, чтобы эти атрибуты не оправдывались. По определению, удивление возможно в отношении каждой из этих ожидаемых черт. Неприятность удивления должна изменяться в прямой зависимости от того, в какой степени актер соглашается с конститутивным порядком событий повседневной жизни как схемой приписывания наблюдаемым проявлениям статуса событий в воспринимаемо нормальной среде.

Для прояснения того, будет ли нарушение этих пресуппозиций вызывать аномийные эффекты и усиливать дезорганизацию, был использован ряд процедур. Эти процедуры следует мыслить скорее как демонстрации, чем как эксперименты. «Экспериментаторами» выступали студенты старших курсов, посещавшие курсы автора. Их подготовка заключалась исключительно в предоставлении устных инструкций о том, как себя вести. Демонстрации выполнялись в качестве домашних заданий и проводились без внешнего надзора. Студенты сообщали о полученных ими результатах в анекдотической манере и не были ограничены ничем, кроме требования избегать интерпретаций. Они просто излагали на бумаге то, что говорилось и делалось, и максимально придерживались формы хронологического отчета.

Поскольку эти процедуры всё же вызывали многочисленные эффекты, о них, на мой взгляд, стоит рассказать. Вместе с тем очевидно, что в оценке их результатов следует соблюдать осторожность.

Демонстрация 1: Нарушение совпадения релевантностей. Это ожидание состоит в следующем. Человек ожидает, что другой человек делает то же самое, и ожидает, что как он ожидает от другого, так и другой ожидает от него, что различия в их перспективах, обусловленные их специфическими индивидуальными биографиями, нерелевантны для наличных целей каждого из них и что оба они выбрали и проинтерпретировали актуально и потенциально общие объекты «эмпирически идентичным» способом, достаточным для наличных целей. Так, например, говоря об «общеизвестных вещах», люди будут обсуждать их, используя цепочку высказываний, направляемых ожиданием того, что другой человек их *поймет*. Говорящий ожидает, что другой человек будет приписывать его репликам смысл, подразумеваемый говорящим, и ожидает, что тем самым другой человек будет позволять говорящему придерживаться допущения, что оба они знают, о чем он говорит, не требуя уточнений. Таким образом, предмет обсуждения приобретает осмысленность в результате одобряемого приписывания — которое ожидается от каждого и которое каждый взаимным образом ожидает от другого — того, что условием своего права беспрепятственно решать, что он знает, о чем говорит, и что то, о чем он говорит, таковым и является, выступает то, что, если понадобится, каждый предоставит все невысказанные понимания. Поэтому многое из того, о чем говорится, не упоминается, хотя каждый ожидает, что установлен адекватный смысл предмета разговора. Чем больше дело обстоит подобным образом, тем больше обмен репликами представляет собой обмен банальными замечаниями между людьми, которые «знают» друг друга.

Студентам было поручено вовлечь знакомого или друга в обычный разговор и, не подавая вида, что высказывания экспериментатора чем-либо необычны, настаивать на том, чтобы человек прояснил смысл своих тривиальных замечаний. Двадцать три студента сообщили о двадцати пяти случаях таких бесед. Далее приводятся типичные выдержки из их отчетов.

Случай 1. Испытуемая рассказывала экспериментатору — члену одного с ней автомобильного пула⁹ — о том, что накануне по пути на работу она проколола колесо.

(И) «Я проколола колесо».

(Э) «Что значит „Я проколола колесо“?»

На мгновение она потеряла дар речи. Потом довольно враждебно ответила: «Что значит? Что значит? Проколола колесо — это проколола колесо. Вот что это значит. Ничего особенного. Что за дурацкий вопрос!»

Случай 2. (И) «Привет, Рэй! Как твоя подружка?»

(Э) «Что значит „как она“? Физически или психологически?»

(И) «Это значит — как она. Что это с тобой?» (Выглядит раздраженным.)

(Э) «Ничего. Просто объясни поточнее, что ты имеешь в виду».

(И) «Проехали. Как у тебя с поступлением в мединститут?»

(Э) «Что значит „как с ним“?»

(И) «Ты знаешь, что это значит».

(Э) «Я действительно не знаю».

(И) «Да что с тобой? Ты не заболел?»

Случай 3. В пятницу вечером мой муж и я смотрели телевизор. Муж мимоходом заметил, что устал. Я спросила: «Как ты устал? Физически, умственно или тебе просто надоело?»

(И) «Не знаю, думаю, в основном физически».

(Э) «Ты имеешь в виду, у тебя болят мышцы или ноют кости?»

(И) «Да, наверное. Не будь такой дотошной».

(Спустя некоторое время, продолжая смотреть телевизор.)

(И) «Во всех этих старых фильмах одна и та же старая железная кровать».

(Э) «Что ты имеешь в виду? Все старые фильмы, или только некоторые из них, или только те, которые видел сам?»

(И) «Да что с тобой? Ты знаешь, что я имею в виду».

(Э) «Я хотела бы, чтобы ты уточнил».

(И) «Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! Отвяжись!»

Случай 4. Во время разговора (с невестой) Э спрашивал о значении различных слов, использовавшихся испытуемой. Первые полторы минуты испытуемая реагировала на вопросы так, словно они вполне законны. Потом она спросила: «Чего это ты задаешь мне подобные вопросы?» и в дальнейшем повторяла это два-три раза после каждого вопроса. Она начала нервничать и волноваться, выражение лица и движения рук... стали неконтролируемыми. Она выглядела смущенной и пожаловалась, что я заставляю ее нервничать, потребовав, чтобы я «прекратил это»... Она взяла журнал и заслонила им от меня. Потом положила журнал и сделала вид, что поглощена чтением. Когда я спросил, почему она смотрит в журнал, она поджала губы и отказалась дальше разговаривать.

Случай 5. Мой друг сказал мне: «Быстрее, а то опоздаем». Я спросил его, что он имеет в виду под «опоздаем» и с какой точки зрения это важно. На его лице появилось недоуменное и циничное выражение. «Чего это ты задаешь мне дурацкие вопросы? Конечно же, мне не надо объяснять подобное высказывание. Что с тобой сегодня? Почему я должен всё бросать и анализировать эту фразу? Всем понятно, что я говорю, и ты не исключение».

Случай 6. Жертва приветливо помахала рукой.

(И) «Ты как?»

(Э) «Я как в смысле чего? Здоровья, денег, учебы, настроения..?»

⁹ Автомобильный пул — объединение живущих в пригороде соседей-автовладельцев, каждый из которых по очереди возит остальных на работу на своей машине. — *Прим. перев.*

(И) (Краснея и внезапно выходя из себя.) «Слушай, я просто старался быть вежливым. По правде, мне совершенно плевать, как ты!»

Случай 7. Мой друг и я разговаривали о человеке, чье высокомерие нас раздражало. Мой друг поделился своим чувством.

(И) «Меня от него тошнит».

(Э) «Не мог ты объяснить, из-за какой болезни тебя тошнит?»

(И) «Ты смеешься надо мной? Ты знаешь, что я имею в виду».

(Э) «Пожалуйста, объясни свое недоумение».

(И) (Выслушав меня с озадаченным видом.) «Что на тебя нашло? Мы с тобой так никогда не разговариваем, разве нет?»

Случай 8. Вечером в пятницу мой муж явно мимоходом спросил: «Ты не забыла сегодня отдать мои рубашки?»

Не принимая ничего как данность, я ответила: «Я помню, ты что-то говорил об этом утром. Какие рубашки ты имел в виду, и что ты хотел сказать, прося „отдать“ их?» Он выглядел озадаченным, как будто я ответила не на тот вопрос, который он задал.

Вместо предоставления объяснений, которые он, похоже, ожидал, я продолжала настаивать: «Я подумала, что все твои рубашки в неплохом состоянии; почему бы тебе не поносить их еще немного?» У меня было неприятное чувство, что я перестаралась.

Теперь он выглядел уже не озадаченным, а рассерженным. Он повторил: «Еще немного! Что это значит, и что ты сделала с моими рубашками?»

Я тоже притворилась рассерженной. Я спросила: «Какие рубашки? У тебя есть спортивные рубашки, простые рубашки, шерстяные рубашки, домашние рубашки и грязные рубашки. Я не телепат. Какие ты хотел?»

Муж снова растерялся, будто пытаясь объяснить себе мое поведение. Он казался одновременно защищающимся и нападающим. Он спокойно, терпеливо произнес: «Ладно, давай начнем сначала. Ты отдала сегодня мои рубашки?»

Я ответила: «Я слышала тебя. Я хочу только, чтобы ты говорил яснее. Что касается меня, то отдать твои рубашки — о каких бы рубашках ты ни говорил — может означать отдать их нуждающимся, оставить в прачечной, в химчистке или выбросить. Я никогда не знаю, что значат эти твои туманные выражения».

Он задумался над моими словами, а потом сменил всю перспективу, начав действовать так, словно мы играем в игру, как будто это всего лишь шутка. И, похоже, эта шутка ему нравилась. Он обезоружил меня, приняв ту роль, которую я считала своей. Он сказал: «Ладно, пойдем по шагам. Отвечай только „да“ или „нет“. Ты видела грязные рубашки, которые я оставил на кухне, да или нет?»

Я не придумала, как усложнить его вопрос, и потому была вынуждена ответить: «Да». В том же духе он спросил, взяла ли я эти рубашки, положила ли я их в машину, сдала ли я их в химчистку и сделала ли я все это сегодня, в пятницу. Мои ответы были: «Да».

Мне показалось, что эксперимент был сорван тем, что он свел все части своего первоначального вопроса к простейшим формулировкам, которые были предъявлены мне так, словно я ребенок, не способный справиться со сколь-нибудь сложными вопросами, проблемами или ситуациями.

Демонстрация 2: Нарушение взаимозаменяемости точек зрения. Чтобы нарушить предполагаемую взаимозаменяемость точек зрения, студентов просили зайти в магазин, выбрать покупателя и начать обращаться с ним как с продавцом, при этом не признавая, что испытуемый — не тот человек, за которого его принимает экспериментатор, и ни чем не выдавая того, что отношение экспериментатора хоть в чем-то не является разумным и законным.

Случай 1. Однажды вечером, совершая покупки в «Сирс»* вместе с другом, я (мужчина) оказался рядом с женщиной, которая что-то выбирала в секции кухонной посуды. Магазин был полон людей... и отыскать продавцов было нелегко. Женщина стояла в двух футах от меня, а мой друг — у меня за спиной. Указав на чайник, я спросил у женщины, не считает ли она цену несколько завышенной. Вопрос был задан в дружественном тоне... Она посмотрела на меня, потом на чайник и сказала «да». Тогда я сказал, что все-таки собираюсь его взять. Она сказала: «О!», и стала боком отходить от меня. Я быстро спросил ее, не завернет ли она его мне и не примет ли мои наличные. По-прежнему медленно пятясь и бросая взгляды то на меня, то на чайник, то на другую посуду, находящуюся довольно далеко от меня, она сказала, показав куда-то, что продавец «там». Я спросил ее твердо, не собирается ли она меня обслужить. Она сказала: «Нет, нет, я не продавщица. Она вон там». Я сказал, что осведомлен о недостаточном опыте вспомогательных служащих, но это еще не повод не обслуживать покупателя. «Просто обслужите меня. Я подожду». При этих словах лицо ее гневно вспыхнуло, и она быстро удалилась, один раз обернувшись назад, словно желая спросить, могло ли такое быть на самом деле.

Следующие три протокола составлены сорокалетней аспиранткой, специализирующейся в области клинической психологии.

Случай 2. Мы заглянули в книжный магазин «V», известный в определенных кругах не столько хорошим ассортиментом и богатыми запасами, сколько тем, что продавцами в нем работают мужчины-гомосексуалисты. Я подошла к джентльмену, который копался в книгах, аккуратно разложенных на столе.

(Э) «Я спешу. Пожалуйста, не могли бы вы поискать экземпляр „Социопатического поведения“ Лемерта?»

(И) (Окинул Э взглядом с ног до головы, выпрямился, медленно положил книгу, немного отступил назад, затем слегка наклонился вперед и вполголоса произнес) «Я тоже интересуюсь социопатическим поведением. Поэтому я сюда и зашел. Я изучаю здешних парней, прикидываясь...»

(Э) (Перебивая) «Меня не особенно интересует, тот ли вы, за кого себя выдаете. Пожалуйста, просто найдите книгу, которую я попросила».

(И) (Выглядел потрясенным. Совершенно изумленным, без преувеличения. Обошел вокруг стола, нарочно оперся руками на книги, наклонился в мою сторону и выкрикнул) «У меня нет этой книги! Я не продавец. Я... Да ну вас!» (Гордо вышел из магазина.)

Случай 3. Когда мы зашли в магазин «И. Мэйнин»*, там находилась одна женщина, которая вертела в руках свитер — единственный товар, который был в магазине в ассортименте. Я решила, что продавец, вероятно, на складе.

(Э) «Милый оттенок, но я ищу немного посветлее. Нет ли у вас из кашемира?»

(И) «На самом деле, я не знаю, видите ли, я...»

(Э) (Перебивая) «А, так вы здесь новенькая? Я не против подождать немного, пока вы найдете то, что я хочу».

(И) «Не буду я ничего искать!»

(Э) «Разве вы здесь не для того, чтобы *обслуживать* покупателей?»

(И) «Нет! Я здесь, чтобы...»

(Э) (Перебивает) «Подобное отношение неуместно. А теперь, будьте любезны, покажите мне кашемировый свитер с оттенком чуть посветлее вот этого».

(Входит продавец.)

(И) (Продавцу) «Любезный, эта (кивает в сторону Э) *особа* настаивает, чтобы ей показали свитер. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, пока я занимаюсь своими делами. Я хочу убедиться,

* «Сирс» — международная сеть универмагов. — Прим. перев.

* «И. Мэйнин» — сеть магазинов дорогой одежды и предметов роскоши. — Прим. перев.

что он (свитер) подойдет, а то она (опять кивает в сторону Э) такая *настырная*». (*И* взяла свитер, с достоинством прошла к большому обитому стулу, села на него, смахнула со своих обтянутых в перчатки рук воображаемую грязь, подернула плечами, поправила на себе пиджак и бросила свирепый взгляд на Э.)

Случай 4. Гостя у своего друга в Пасадене, я рассказала ему об этом эксперименте-по-принятию-за-продавца. Друг — почетный профессор математики Калифорнийского политехнического института и преуспевающий автор множества книг, как специализированных, так и художественных, а также крайне язвительно относящийся к окружающим человек. Он попросил позволить ему сопровождать меня и помочь мне в выборе площадок... Сначала мы отправились позавтракать в «Атенеум»^{**}, где обслуживают студентов, преподавателей и гостей Калифорнийского политеха. Когда мы еще были в фойе, мой друг указал на джентльмена, стоявшего в большой гостиной у входа в обеденный зал, и сказал: «Иди туда. Подходящий испытуемый для тебя». И отошел в сторону, чтобы понаблюдать. Я решительно направилась к этому человеку и начала действовать следующим образом. (Себя я буду обозначать Э, испытуемого — *И*.)

(Э) «Будьте так добры, я бы хотела столик с западной стороны, в спокойном месте. А что у вас сегодня в меню?»

(*И*) (Повернулся к Э, но посмотрел мимо, в направлении фойе, и сказал) «Э... а... мадам, я уверен...» (снова посмотрел мимо Э, взглянул на карманные часы, вернул их на место и посмотрел в сторону обеденного зала.)

(Э) «Время завтрака еще определенно не истекло. Что посоветуете сегодня заказать?»

(*И*) «Я не знаю. Видите ли, я жду...»

(Э) (Перебила) «Пожалуйста, не заставляйте меня здесь стоять, пока вы ждете. Будьте любезны, покажите столик».

(*И*) «Но, мадам...» (начал пятиться от двери в гостиную, пытаюсь обойти Э стороной.)

(Э) «Любезный...» (при этих словах лицо *И* вспыхнуло, глаза округлились и широко открылись.)

(*И*) «Но... вы... я... о, господи!» (Казалось, он сник.)

(Э) (Взяла *И* за руку и начала подталкивать его к двери в обеденный зал, чуть впереди себя.)

(*И*) (Медленно шел, но, едва войдя в обеденный зал, остановился, повернулся кругом и впервые прямо и очень оценивающе посмотрел на Э, достал часы, взглянул на них, поднес к уху, вернул на место и пробормотал) «О, боже».

(Э) «У вас уйдет не больше минуты, чтобы показать мне столик и принять заказ. Потом вы сможете вернуться к ожиданию своих клиентов. В конце концов, я тоже гость и клиент».

(*И*) (Несколько пришел в себя, порывисто направился к ближайшему свободному столику, отодвинул стул, чтобы Э могла сесть, чуть заметно поклонился, пробормотал «Всегда рад», поспешил к двери, остановился, повернулся, взглянул на Э с выражением смущения на лице.)

В этот момент спутник Э подошел к *И*, поприветствовал его, пожал руку и повел к столику Э. *И* остановился в нескольких шагах от столика, посмотрел в упор на Э, затем — мимо Э и начал отходить обратно к двери. Спутник сказал ему, что Э — молодая девушка, которую он пригласил позавтракать вместе с ними (затем он представил меня одному из известных физиков, столпу института!). *И* неохотно присел и замер на стуле, явно испытывая неловкость. Э улыбнулась, приветливо и вежливо расспросила его о работе, упомянула о нескольких наградах, которые ему присудили, и затем благодушно заметила, что, к ее стыду, они до сир пор не встречались лично, поэтому она ошибочно приняла его за метрдотеля. Когда спутник рассказывал о давней дружбе с Э, *И* заерзал, снова взглянул на карманные часы, протер лоб салфеткой, посмотрел на Э, но избегая ее взгляда. Когда спутник упомянул,

^{**} «Атенеум» — частный университетский клуб, расположенный в кампусе Калифорнийского политехнического института. — *Прим. перев.*

что Э изучает социологию в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, И внезапно громко захохотал, понял, что все в зале смотрят в направлении нашего столика, внезапно затих, затем сказал Э: «Вы ошибочно приняли меня за метрдотеля, я правильно понял?»

(Э) «Умышленно, сэр».

(И) «Как это умышленно?»

(Э) «Вы только что были использованы в качестве ничего не подозревающего испытуемого в эксперименте».

(И) «Дьявол! Но, должен сказать, умно, (обращаясь к нашему общему знакомому) я не получал такой встряски, с тех пор как ___ опроверг мою теорию ___ в 19__ году. У меня в голове носились безумные мысли! Вызвать портье из фойе, спрятаться в мужском туалете, отправить эту женщину к первому, кто войдет. Будь прокляты эти рано открывающиеся закусовые, никто сюда в это время не заходит! Время остановилось, или остановились мои часы. Я поговорю об этом с ___, будьте уверены, это происходит не с „кем-нибудь“. Черт, до чего же настойчивая женщина! Какой я ей „любезный“! Я доктор ___, и никто не смеет помыкать мной. Этого просто не может быть. Если я отведу ее к тому проклятому столику, который она так хочет, я смогу избавиться от нее и постараюсь обо всем забыть. Я вспомнил ___ (наследственная психопатка, жена одного из членов институтской „братии“). Может, если я сделаю то, чего хочет вот *эта*, она больше не доставит мне хлопот. А если она „того“? Она выглядит совершенно нормальной. Но кто знает?»

Демонстрация 3: Нарушение ожидания того, что знание отношений взаимодействия является общепринятой схемой коммуникации. Шюц предположил, что с точки зрения члена общества событие поведения, как и ход в игре, представляет собой событие-в-социальном-порядке. Следовательно, для члена опознаваемо реальный характер события обеспечивается восприятием его появления в свете корпуса социально санкционированного знания социальных отношений, который член использует и считает используемым другими как одну и ту же схему выражения и интерпретации.

Было принято решение нарушить это ожидание, дав студентам задание рассматривать ситуацию в качестве таковой, каковой она «очевидно» и «реально» не является. Студентам было поручено провести у себя дома от пятнадцати минут до часа, действуя так, словно они являются постояльцами. Их просили вести себя предупредительно и вежливо: держаться отстраненно, при общении соблюдать формальности, говорить только если к ним обращаются.

В девяти случаях из сорока девяти студенты либо отказались выполнять задание (пять случаев), либо их попытка была «безуспешной» (четыре случая). Четверо из «не решившихся» студентов сказали, что побоялись это делать; пятая сказала, что не рискнула волновать свою мать, у которой больное сердце. В двух из «неудачных» случаев семья сразу восприняла всё как шутку и отказалась, невзирая на продолжающиеся действия студента-экспериментатора, изменить свое отношение. Третья семья пришла к выводу, что за этим что-то кроется, но что именно — их не интересует. В четвертой семье отец и мать обратили внимание на то, что дочь «чересчур любезна» и наверняка чего-то хочет, о чем она вскоре сообщит.

В остальных 4/5 случаев члены семьи были ошеломлены, настойчиво пытались сделать странные действия понятными и восстановить нормальные проявления ситуации. Отчеты были полны сообщений об изумлении, недоумении, шоке, беспокойстве, растерянности и гневе, а также об исходивших от разных членов семьи обвинениях в том, что студент неприветлив, нагл, самолюбив, отвратителен и груб. Члены семьи требовали объяснений: «В чем дело?», «Что с тобой?», «Тебя выгнали?», «Ты болен?», «Чего это ты так нос задрал?», «Ты чего злишься?», «Ты рехнулся или просто дурак?». Один студент поставил свою мать в крайне неудобное положение перед ее подругами, спросив, не возражает ли она, если он возьмет что-нибудь перекусить из холодильника. «Не буду ли я возражать, если ты возьмешь чего-нибудь перекусить? Ты годами лазил в холодильник, не спрашивая моего разрешения!

Что на тебя нашло?!». Одна мать, пришедшая в бешенство оттого, что ее дочь разговаривала с ней лишь когда та к ней обращалась, начала кричать, яростно обвиняя дочь в неуважении и непослушании, и даже сестра студентки не смогла ее успокоить. Отец выругал дочь за то, что ей совершенно наплевать на окружающих и что она ведет себя как избалованный ребенок.

Иногда члены семьи сначала трактовали действия студента как приглашение к привычному совместному веселью, но вскоре это сменялось раздражением и злостью на студента за то, что он не знает, «когда пора остановиться». Члены семьи передразнивали «вежливость» студента — «Разумеется, мистер Дайнерберг!» — или упрекали студента в заносчивости и, в целом, относились к этой «вежливости» с порицанием и сарказмом.

Объяснения искались в понятных предшествующих мотивах студента: его обвиняли в том, что он скрывает что-то важное, о чем семья должна знать, что он слишком много занимается в университете, что он болен, что он «опять повздорил» со своей девушкой.

После того, как объяснения не получали подтверждения, уязвленный член семьи отстранялся, пытался изолировать виновного, отплатить ему тем же и осудить. «Не трогай его, он опять не в духе». «Не обращай внимания, но пусть только он у меня чего-нибудь попросит». «Игнорируешь меня? Ладно. Я тоже буду тебя игнорировать, и еще как!». «Ну зачем ты всегда портишь нашу семейную гармонию?» Отец зашел вслед за сыном в его спальню. «Твоя мать права. Ты неважно выглядишь и несешь какую-то чушь. Лучше тебе найти другую работу, чтобы не приходилось работать допоздна». На это студент ответил, что он ценит его внимание, но чувствует себя прекрасно и лишь хочет немного побыть один. От этого отец пришел в ярость: «Не желаю больше слышать от *тебя* ничего *подобного*. Не можешь нормально обращаться с матерью, выметайся вон!»

Не было ни одного случая, когда объяснение студента не смогло исправить ситуацию. Тем не менее членов семьи это, по большей части, не веселило, и лишь в редких случаях они находили этот опыт поучительным, каким он, по заверениям студента, и задумывался. Выслушав объяснение, сестра холодно ответила от лица всех четырех членов семьи: «Пожалуйста, больше никаких экспериментов. Мы тебе не подопытные крысы». Иногда объяснение принималось, но только усиливало обиду. В нескольких случаях студенты сообщали, что объяснения оставляли их, их семьи или и тех, и других в сомнении относительно того, что именно студент говорил «по роли», а что он «действительно имел в виду».

Студенты нашли это задание трудновыполнимым, поскольку к ним не относились как к тем, роль кого они пытались исполнять, а также поскольку они сталкивались с ситуациями, реакцию постояльца на которые они не могли предугадать.

Было получено несколько совершенно неожиданных результатов. 1) Хотя многие студенты сообщали о продолжительных репетициях в воображении, лишь немногие из тех, кто это делал, упоминали о предварительном страхе или смущении. 2) Хотя дело часто принимало непредвиденный и неприятный оборот, только в одном случае студент сообщил о серьезных сожалениях. 3) Лишь очень немногие студенты сообщали, что испытали искреннее облегчение по окончании часа. Гораздо чаще сообщалось о частичном облегчении. Нередко сообщалось, что в ответ на гневные выпады окружающих они тоже сердились и легко скатывались к субъективно привычным чувствам и действиям.

Демонстрация 4: Нарушение схватывания «того, что известно каждому» как правильных оснований для действия в реальном социальном мире. Из возможностей, которые студент подготовительного медицинского отделения мог бы рассматривать в качестве правильных оснований для своих дальнейших выводов и действий в связи с такими вопросами, как форма проведения вступительного собеседования в медицинском институте или связь поведения абитуриента с его шансами поступить, некоторые возможности (например, то, что подстраивание под интересы интервьюера является условием создания благоприятного впечатления) он рассматривает в качестве того, что ему необходимо знать и на что нужно направлять усилия как на условие своей компетентности в качестве кандидата

на поступление в медицинский институт. Он ожидает, что другие, как и он, будут знать то же самое и действовать соответственно, а также ожидает, что как он ожидает от других подобных знаний и действий, так и другие, в свою очередь, ожидают их от него.

Была разработана процедура нарушения конститутивных ожиданий, связанных с «тем-что-известно-каждому-компетентному-кандидату-на-поступление-в-медицинский-институт», удовлетворяющая трем условиям, при которых их нарушение, предположительно, вызвало бы замешательство.

Двадцать восемь студентов подготовительного медицинского отделения Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе прошли индивидуальное трехчасовое экспериментальное собеседование. Чтобы расположить испытуемого к себе и начать собеседование Э называл себя представителем одного из медицинских институтов с восточного побережья, пытающимся выяснить, почему вступительные собеседования в мединститутах вызывают такой сильный стресс. Ожидалось, что идентификация Э как человека, связанного с медицинским институтом, минимизирует шансы студентов «покинуть поле» сразу после начала применения откровенно нарушающей процедуры. Каким образом были удовлетворены два других условия — а) переопределение в ситуации нехватки времени и б) отсутствие возможности заручиться консенсусной поддержкой альтернативного определения социальной реальности, — станет ясно из нижеследующего описания.

На протяжении первого часа собеседования студент излагал факты, касающиеся приемных собеседований в медицинских институтах, отвечая «представителю» на такие вопросы: «Какие источники информации о кандидате доступны для медицинских институтов?», «Что медицинский институт может узнать о кандидате из этих источников?», «Какого рода людей отбирают медицинские институты?», «Как должен хороший кандидат вести себя на собеседовании?», «Чего ему следует избегать?» По окончании студенту говорилось, что исследовательские интересы «представителя» удовлетворены. Далее студента спрашивали, не хотел бы он прослушать аудиозапись реального собеседования. Все студенты выразили огромное желание услышать запись.

Запись содержала сфабрикованную беседу между «интервьюером из мединститута» и «поступающим». Поступающий выставлялся грубияном, его язык был полон грамматических ошибок и изобилует разговорными выражениями, он уходил от ответов, пререкался с интервьюером, хвастался, пренебрежительно отзывался о других институтах и профессиях, заявлял, что заранее знает результаты данного собеседования, и т. д.¹⁰

Сразу после проигрывания записи студента просили дать подробную оценку услышанного. Следующая отредактированная оценка является характерной: «Мне не понравилось. Мне не понравилась его установка. Он мне вообще не понравился. Все, что он говорил, бесило. Мне не понравилось, что он курил. А как он говорил „Да-а!“ Он ничем не показал, что понимает, что его будущее в руках интервьюера. Мне не понравилось, что он уклончиво отвечал на вопросы. Мне не понравилось, как он начал давить на интервьюера в конце собеседования. Он вел себя неуважительно. Его мотивы были совершенно очевидны. Он всё испортил. Он провалился, мягко выражаясь... Его ответы на вопросы были глупыми. Кажется, интервьюер говорил ему, что у него нет шансов поступить. Мне не понравилось это собеседование. Мне показалось, что оно чересчур неформальное. В некоторой степени хорошо, когда всё естественно, но... на собеседовании нельзя фамильярничать. Здесь не место для болтовни. У него были довольно хорошие оценки, но... он не интересовался ничем вне института и не сказал ничего о том, чем он занимался в нем. Получается, он не *сделал* ничего особенного — за пределами этой лаборатории. Мне этот парень совсем не понравился. Никогда не встречал подобных абитуриентов! „Приятель“ — один из примеров этого пустословия. Я никогда не встречал *таких* людей. Не-Туда Корриган*».

¹⁰ Подлинную стенограмму собеседования можно получить по запросу у автора.

* Дуглас Корриган (1907–1995) по прозвищу «Не-Туда» — американский авиамеханик, в 1938 г. по ошибке перелетевший Атлантический океан, поскольку направлялся из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, но неправильно интерпретировал показания компаса. — *Прим. перев.*

Затем студенту предоставляли информацию из «досье» поступающего. Информация была намеренно подобрана так, чтобы противоречить основным моментам высказанной студентом оценки. Например, если он говорил, что семья поступающего, скорее всего, принадлежит к низшему классу, ему говорили, что отец поступающего является вице-президентом фирмы, выпускающей пневматические двери для поездов и автобусов. Если студент считал поступающего малообразованным, говорилось, что тот с отличием сдал экзамены по таким курсам, как «Поэзия Мильтона» и «Драмы Шекспира». Если студент говорил, что поступающий не умеет ладить с людьми, сообщалось, что тот участвовал в волонтерской программе по сбору пожертвований для Сиденхемской больницы в Нью-Йорке и собрал 32.000 долларов у тридцати «крупных благотворителей». Если высказывалось убеждение, что поступающий глуп и не сможет ничего добиться в науке, заявлялось, что он имеет высшие баллы по органической и физической химии и на курсе по научному исследованию его показатели были на уровне аспирантов.

*И*е очень хотели знать, что думали о претенденте «другие» и был ли он принят. Перед этим «представитель» мимоходом упоминал «других»: «доктора Гарднера, интервьюера из мединститута», «шесть членов приемной комиссии, профессиональных психиатров, знакомых только с записью собеседования» и «других студентов, с которыми я разговаривал».

И сообщалось, что поступающий был принят и оправдал те ожидания, которые были сформулированы и изложены интервьюером из мединститута и «шестью психиатрами» в следующей рекомендации, касающейся характерологической пригодности поступающего: «Доктор Гарднер, интервьюер из мединститута, написал: „Воспитанный, вежливый молодой человек, уравновешенный, доброжелательный, уверенный в собственных силах. Способен к самостоятельному мышлению. Интересы носят достаточно специализированный характер. Выраженная интеллектуальная любознательность. Рассудителен, не поддается эмоциям. Выраженная зрелость манер и мировоззрения. Легко идет на контакт. Сильно мотивирован на медицинскую карьеру. Ясно представляет, чего хочет достичь, при этом четко видит перспективу. Безусловная искренность и честность. Высказывает свои мысли легко и внятно. Рекомендую решить вопрос благоприятно“. Шесть психиатров, членов приемной комиссии согласились по всем основным пунктам».

Что касается мнений «других студентов», *И* сообщалось, что он был, например, тридцатым студентом, с которым я встречался, и что перед ним двадцать восемь человек полностью согласились с оценкой интервьюера из мединститута, а остальные двое были не до конца уверены, но, начав знакомиться с информацией, сразу отнеслись к нему так же, как и остальные.

Затем *И*м предложили прослушать запись во второй раз, после чего их попросили вновь оценить поступающего.

Результаты. На уловку попались двадцать пять из двадцати восьми испытуемых. Нижеследующее не относится к трем испытуемым, которые были убеждены, что их обманывают. Двое из них обсуждаются в конце этого раздела.

Противоречащий материал, предъявляемый *И* в вышеозначенном порядке, содержал информацию о достижениях и характерологическую информацию. Информация о достижениях касалась деятельности претендента, оценок, семейного происхождения, пройденных учебных курсов, работы в сфере благотворительности и т. п. Характерологическая информация включала характеристики, которые ему дали «интервьюер из медицинского института», «шесть профессиональных психиатров-членов приемной комиссии» и «другие студенты».

Испытуемые справлялись с несоответствиями в данных о достижениях с помощью энергичных попыток сделать их фактуально совместимыми со своими первоначальными оценками. Например, когда они говорили, что поступающий, судя по его речи, из низшего класса, им говорилось, что его отец — вице-президент национальной корпорации,

производящей пневматические двери для поездов и автобусов. Вот несколько типичных реакций:

«Ему надо было подчеркнуть, что он *может* рассчитывать на деньги».

«Это объясняет, почему он говорил, что ему приходится работать. Вероятно, отец заставил его найти работу. И поэтому большинство его жалоб необоснованны в том смысле, что дела обстоят не так уж плохо».

«Но какое это имеет отношение к ценностям?!»

«Это было видно по его ответам. Было видно, что он привык все делать по-своему».

«Интервьюер знал об этом, а я — нет».

«Тогда он полнейший лжец!»

Когда *И*е говорили, что поступающий эгоистичен и не умеет ладить с людьми, им сообщалось, что он участвовал в волонтерской программе по сбору пожертвований для Сиденхемской больницы и собрал 32.000 долларов у тридцати «крупных благотворителей».

«У него, видимо, талант продавца. Так что, возможно, он пошел не в ту профессию. Я бы сказал, что он *определенно* пошел не в ту профессию!»

«Вероятно, они давали деньги ради благотворительности, а не потому, что их уговорили».

«Вот это да. Чудесно. Может, он знал их лично?»

«Очень модно, например, во время войны работать в программе „Пожертвования для Британии“. Так что это — уж точно! — не говорит ни о каких альтруистических мотивах. Он — один из тех, кто следует моде, а я отношусь к этому очень скептически».

«Он такой напористый, что, наверное, пристыдил их и заставил раскошелиться».

«Люди при деньгах... а его отец, естественно, был знаком с такими людьми... крупные благотворители... они могли дать кучу денег, не зная, на что они их дают».

То, что его средний бал по естественнонаучным курсам был наивысшим, начинало вызывать растерянность.

«У него было довольно много разных курсов... Я озадачен... Вероятно, во время собеседования не очень хорошо раскрылся его характер».

«Наверное, он посещал какие-то странные курсы. Что вполне нормально. Не то чтобы нормально... но... в любом случае, меня это не удивляет».

«Ну и ну! Думаю, это можно проанализировать так. С точки зрения психологии. Скажем... один из возможных способов... сейчас я могу *ошибаться*, но так я *это* понимаю. Он, вероятно, страдал комплексом неполноценности, и это сверхкомпенсация его комплекса неполноценности. Его *отличные* отметки... его *хорошие* отметки — это компенсация его неудач... возможно, в общении, я не знаю».

«Вот те на! И только третий кандидат в Джорджии. (Глубокий вздох) Теперь мне ясно, почему он был обижен на то, что его не приняли в „Фи Бета“».

(Долгое молчание) «Ну и ну! Из того... это наводит меня на мысль, что он зубрила или что-то в этом роде».

Попытки разрешить несоответствия, вызванные характеристикой «Гарднера» и «других шести экспертов», предпринимались гораздо реже, нежели попытки нормализовать информацию о достижениях. Наиболее частыми были выражения недоумения и беспокойства, перемежавшиеся раздумьями.

(Смех) «Черт побери!» (Молчание) «Я думал, всё наоборот»... (Очень подавленно) «Может, я совер... Я потерял ориентацию. Я полностью сбит с толку».

«Не вежливый. Он был самоуверенный, это точно. Но не вежливый... Не знаю. То ли интервьюер немного того, то ли я». (Долгая пауза) «Я в смятении. Это заставляет усомниться в своих мыслительных способностях. Может, у меня неправильные жизненные ценности, не знаю».

(Присвистывает) «Мне... мне и в голову не пришло, что он производит впечатление хорошо воспитанного человека. Весь этот тон!! Я... может, вы заметили, когда он сказал: „Вам следовало сообщить об этом сразу“, а потом посмеялся над этим... Но даже если так! Нет, ничего не могу понять. „Вам следовало сказать об этом раньше“. Может, он хотел пошутить. Сделать... Нет! Мне это показалось наглостью!».

«Уф... Да уж, это определенно меняет мои представления о собеседовании. Вот так так... это... запутывает меня еще больше».

«Да уж... (смех)... Хм!.. Уф! Ну, может, он выглядел славным парнем. Он... он четко излагал мысли... Возможно... если видишь человека, это совсем другое дело... Или, возможно, из меня никогда не выйдет хорошего интервьюера». (Задумчиво и еле слышно) «Они не упомянули ничего из того, что упомянул я». (ГГ: Что-что?) (Громче) «Они не упомянули ничего из того, что упомянул я, и поэтому у меня такой чувство, что я ни на что не годен».

Иногда вскоре после того, как данные о достижениях вызывали ступор, следовал запрос: «А что говорили о нем другие студенты?» Мнения «других студентов» приводились только после того, как сообщалась оценка Гарднера и поступали реакции на нее. В некоторых случаях испытуемому говорили «34 из 35 до вас согласились», в других случаях — 43 из 45, 19 из 20, 51 из 52. Все числа были большие. Реплики 18 из 25 студентов почти ничем не отличались от следующих дословных протоколов:

[34 из 35] Не знаю... Я все равно остаюсь при своем исходном убеждении. Я... я... Вы можете сказать *мне*, что... я увидел неправильно? Может... я... у меня было неправильное представление... неправильная установка в целом. (Не могли бы вы рассказать об этом? Мне интересно, откуда такое расхождение.) Несомненно. Я... думаю... всё, несомненно, было иначе... Не могу разобраться. Я совершенно сбит с толку, поверьте. Я... я не понимаю, как я мог так ошибиться. Возможно, мои представления... мои оценки людей... просто неверны. Я хочу сказать, может, я неправильно... может, мое восприятие ценностей... какое-то... не... такое... или... иное... чем у других тридцати трех. Но я не думаю, что это так... потому что обычно... и я ничуть не хвастаюсь... я... я разбираюсь в людях. Ну, то есть, в учебной группе, в организации, в которой я работаю... я обычно правильно их оцениваю. Поэтому я *вообще* не понимаю, как я мог так ошибиться. Не думаю, что на меня что-то давило или напрягало... здесь... вечером, но... я не понимаю этого.

[43 из 45] [Смех] Не знаю, что теперь и сказать... Меня беспокоит, что я не мог оценить этого парня лучше, чем я сделал. [Подавлен] Сегодня надо будет хорошенько выспаться, это точно... [очень подавлен] но это определенно меня нервирует... Простите, что я не... *Ладно!* Возникает один вопрос... я могу быть не прав... (Вы понимаете, почему они так отнеслись к нему?) Нет. Нет, я не понимаю этого, нет... Конечно, имея на руках все эти сведения о происхождении, да, но я не понимаю, как Гарднер сделал это без них. Что ж, думаю, это и делает Гарднера Гарднером, а меня мной. (Остальные 45 студентов не располагали сведениями о происхождении.) Да, да, да. Я хочу сказать, я этого вовсе не отрицаю. Я имею в виду для меня, бессмысленно говорить... Конечно! С их происхождением их бы приняли, особенно второго, господи!.. О'кей, что еще?

[23 из 25] [Еле слышно] Наверное, я устал. (ГГ: Что-что?) [Взрыв смеха] Наверное, я не выпался прошлой ночью... Уф!.. Ну... возможно, я искал не то, что искали другие... Я не... вот черт!.. Не знаю что и думать, честное слово.

[10 из 10] Значит я один так думаю. Ну, не знаю, сэр! Не знаю, сэр!! Я не могу этого объяснить. Бессмыслица какая-то... Я с самого начала старался быть беспристрастным. Признаю, я сразу был предвзятым.

[51 из 52] Вы хотите сказать, что остальные пятьдесят один тоже попали в точку? (Попали в точку в том смысле, что восприняли его так же, как и члены комиссии.) Гм. [Глубокий вздох] Я все еще не... Ну да! Понятно. Но просто выслушав его, я не думаю, чтобы он был... очень хорошим выбором. Но в свете всего остального, что касается его, мне кажется, что собеседование не... показывало... его... таким какой он... есть... на самом деле... Уф-ф!

[36 из 37] Я бы вернулся к своему прежнему мнению, но не стал бы заходить слишком далеко. Я просто не понимаю этого... Почему у меня другие стандарты? Мое мнение более-менее совпадало с мнением о первом парне? (Нет.) Тогда я должен подумать... Забавно. Если только вам не подалось тридцать шесть чудачков. Не понимаю. Может, дело в моей личности. (А это имеет какое-то значение?) Это *имеет* значение, если я допускаю, что они правы. То, что я считаю верным, они не считают... Это моя установка... И все-таки, люди такого сорта меня отталкивают, зазнайки, от которых надо держаться подальше. Конечно, можно разговаривать подобным образом с другими парнями... но на собеседовании?.. Теперь я еще больше запутался, чем в начале собеседования. Думаю, мне следует пойти домой, посмотреть в зеркало и поговорить с собой. Как вы думаете? (Почему? Это вас расстраивает?) Да, это *очень* меня расстраивает! Это заставляет меня думать, что я не способен нормально оценивать людей и ценности. Это нездоровая ситуация. (Это что-то меняет?) Если я и в самом деле так веду себя, то я просто засовываю голову в львиную пасть. У меня были соображения, но они разбиты вдребезги. Я не знаю, что и думать о себе. Почему у меня другие стандарты? Всё упирается в меня.

Из двадцати пяти *И'х*, попавшихся на уловку, семь не смогли справиться с несоответствием своего ошибочного представления о столь очевидном предмете и не сумели «разглядеть» альтернативу. Их страдания были драматичными и непреодолимыми. Еще пятеро преодолели затруднение за счет той точки зрения, что мединститут принял хорошего человека; пятеро других — за счет той точки зрения, что институт принял грубияна. Хотя и предприняв некоторые изменения, они, тем не менее, не отказались от своих прежних взглядов. Они способны были понять точку зрения Гарднера «в общем», однако их отношению не хватало убедительности. Когда внимание переключалось на частности, общая картина размывалась. Эти *И'е* готовы были принять и использовать «общую» картину, но испытывали страдания всякий раз, когда в поле зрения попадали неудобные подробности той же самой картины. Принятие «общей» картины сопровождалось воспроизведением характеристик, которые не только противоречили характеристикам, отмеченным в первоначальной оценке, но и усиливались с помощью прилагательных в превосходной степени, таких как: «в высшей степени» уравновешенный, «совершенно» естественный, «крайне» уверенный, «очень» спокойный. Кроме того, они рассматривали новые черты сквозь призму нового понимания того, как медик-экзаменатор слушал поступающего. Например, они видели, что экзаменатор улыбнулся, когда поступающий забыл предложить ему сигарету.

Еще трое *И'х* были убеждены, что их обманывают, и на протяжении всего собеседования действовали исходя из этого убеждения. Они не проявляли ни малейшего беспокойства. Двое из них крайне мучительно восприняли окончание собеседования, и их отпустили, не

сообщив, что это был обман. Еще трое выражали свои страдания произвольно и молча, чем ставили в тупик Э. Ничем не показывая этого Э, они рассматривали собеседование как эксперимент, в котором их попросили решать определенные задачи и, следовательно, делать это как можно лучше и не менять своего мнения, поскольку только в этом случае они помогут исследованию. Мне было трудно понять их во время собеседования, поскольку они проявляли заметное беспокойство, при том что их высказывания были вежливыми и не касались вещей, которые его провоцировали. Наконец, еще трое *И*'х отличались от остальных. Один из них настаивал на том, что характерологические оценки семантически двусмысленны и что, ввиду недостатка информации, вынести «высоко коррелятивное мнение» невозможно. Вторым — единственным из всей совокупности — нашел, согласно его объяснению, вторую картину столь же убедительной, как и первоначальную. Когда обман был раскрыт, его расстроило то, что он мог быть настолько уверен. Третий, узнав всю правду, выказал лишь незначительное и крайне непродолжительное беспокойство. Однако он был единственным среди испытуемых, кто уже проходил собеседование в медицинском институте; у него были превосходные контакты; несмотря на средний балл ниже «удовлетворительно», он оценивал свои шансы на поступление как высокие; наконец, он заявил, что предпочитает дипломатическую карьеру медицинской.

Заключительное наблюдение: двадцать два из двадцати восьми *И*'х выразили заметное облегчение — десятеро в весьма бурных выражениях, — когда я раскрыл обман. Все они в один голос заявили, что новость об обмане позволяет им вернуться к своим прежним взглядам. Семерых *И*'х пришлось убеждать в том, что их обманули. После раскрытия обмана они спрашивали, чему им теперь верить. Может, я сказал им, что это был обман, чтобы успокоить? Прилагались все усилия и говорилось всё, что необходимо, истина или ложь, чтобы заставить их поверить в то, что это был обман.

Замечания о некоторых модификациях установки повседневной жизни

Установка повседневной жизни наделяет воспринимаемую среду человека определением среды известных сообществ социальных реалий. Социологи обозначают эту среду с помощью термина «общая культура». Установка повседневной жизни конституирует институционализированное общее понимание практической повседневной организации и рабочих операций общества, увиденного «изнутри». Модификации ее пресуппозиций модифицируют тем самым реальные среды членов общества. Такого рода модификации преобразуют одну социально определенную среду реальных объектов в другую среду реальных объектов.

Одна из таких модификаций предполагает обучение ей. Для новорожденного это означает расширение мира, в олдсовском [20] и парсоновском [22] смысле расширения систем объектов, а также поступательно осуществляемое и осуществимое согласие «развивающегося члена общества» с установкой повседневной жизни как «способом восприятия», присущим компетентному члену общества.

Вторая модификация заключается в церемониальном преобразовании одной среды реальных объектов в другую. Мы упоминали выше, что подобные модификации происходят в процессе игры, в ходе посещения театра, во время религиозного обращения, при «конвенционализации» и в ходе научного исследования. Если в каждом из этих случаев спрашивается, куда человек «уходит» или куда его «призывают вернуться», когда он «перестает играть», или его убеждают «прекратить игру», когда он «покидает театр», или его убеждают «перестать прикидываться и быть самим собой», когда он «отступает» от своих религиозных обетов, или подвергается критике за чрезмерную добродетельность, когда он «сбрасывает праздничное одеяние» или получает предупреждение о том, что «праздник окончен», когда он «забывает на время о своей научной проблеме», или получает упрек в том, что он «витаает в облаках», — в каждом из этих случаев он возвращается к «обычной жизни» или от него ожидают предоставления свидетельств схватывания им

институционализированного общего понимания организации и рабочих операций обыденного общества, т. е. его «практических обстоятельств».

Третья модификация заключается в инструментальных преобразованиях реальных сред объектов при экспериментально вызванном психозе, крайней усталости, острой сенсорной депривации, употреблении галлюциногенных наркотиков, повреждениях мозга и т. п. Каждому из этих случаев соответствует модификация, с одной стороны, пресуппозиций и, с другой, социальных структур, которые производятся действиями, ориентированными на эти модифицированные среды. Например, испытуемые, которым давали лизергиновую кислоту в клинике для больных алкоголизмом при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, часто реагировали на просьбы экспериментатора описать, что они видят в комнате, категорическим отказом, заявляя, что его вопросы банальны и свидетельствуют о том, что он глуп и никогда не сможет по достоинству оценить то, что они видят, даже если они возьмут на себя труд попытаться это ему прояснить. Анализ взаимодействия с использованием бейлсовских процедур подсчета* варьировался бы соответственно.

Четвертая модификация заключается в «открытии культуры» антропологами и социологами. Это открытие представляет собой открытие изнутри общества обыденного знания социальных структур и попытку рассмотреть обыденное действие и обыденное знание как предметы исключительно теоретического общественно-научного интереса. Модификация установки и объектов обыденных действий обнаруживается в попытках социологов обеспечить в установке и методах процедуры, посредством которых обыденные установка, действия и знание социальных структур помещаются под юрисдикцию социологической теории как определения их существенных черт. Тем самым в своих идеях, если не — или, возможно, пока еще не — в своих актуальных практиках, социологи поставили перед собой задачу открыть исторически новое и беспрецедентное определение «реальных социальных структур». Поскольку обыденные действия и среды являются одновременно темой и чертой социологических изысканий, забота об описании актуальных черт установки и методов социологии как возможных модификаций установки и методов обыденности, т. е. «открытие культуры», реконструирует проблемы социологии знания и со всей серьезностью помещает их в самый центр социологического предприятия.

В своем очерке «Чужак» [13] Шюц обсудил пятую модификацию, которую он описал как неспособность пресуппозиций установки «выдержать проверку». Для Шюца чужаком был тот, чьи попытки приписать подразумеваемому смыслу актуальных проявлений атрибуции установки повседневной жизни приводят к ситуациям хронической «ошибки». Он становится, говорит Шюц, тем, кто вынужден сомневаться едва ли не во всём, что кажется очевидным членам той группы, членом которой он стремится стать. Его прежде непроблематичные схемы интерпретации перестают работать и не могут использоваться в качестве схем ориентации в новом социальном окружении. Ему трудно применять культуру мы-группы в качестве схемы ориентации, поскольку он не способен ей доверять. Для него не существует того единства культурного паттерна, которое наблюдается среди членов мы-группы. Он обречен постоянно осознавать свои интересы, при этом неизбежно решая задачу преодоления фундаментальных расхождений между своим собственным и присущим окружающим способом восприятия ситуаций и обращения с ними. Ситуации, в которых члены мы-группы разбираются с первого взгляда, при этом также видя подходящий рецепт управления ими, для него специфически проблематичны, а их смысл или последствия — не очевидны. С точки зрения члена мы-группы, чужак — это человек без истории, и, что важнее всего, его кризис — это его личный кризис.

Говоря языком настоящей статьи, для чужака воспринимается нормальные проявления его сцен взаимодействия специфически проблематичны. Чужак — это человек, чье право

* В 1950 году в своей работе «Анализ процесса взаимодействия: метод исследования малых групп» американский социолог Роберт Ф. Бейлс (1916–2004) предложил процедуру изучения и подсчета коммуникативных паттернов в малых группах, которая состоит в фиксации частоты появления 12 «ходов», разбитых на 4 категории. — *Прим. перев.*

принимать решения относительно осмысленности, объективности и достоверности без вмешательства других, т. е. чью компетентность ни он сам, ни другие не могут считать само собой разумеющейся.

Поскольку каждая из пресуппозиций приписывает среде актора некоторую черту, свидетель может испытать неприятное удивление в связи с каждой из них. Следовательно, существует и шестая модификация. Можно экспериментально вызывать нарушение этих суппозиций, целенаправленно модифицируя сценические события так, чтобы систематически опровергать эти атрибуты. В итоге среда атрибутирующего делается для него странной и он, соответственно, вынужден воспринимать себя и действовать в присутствии других в качестве чужака.

Радикальная версия этой модификации состоит в делании пресуппозиций установки повседневной жизни недействительными. Процедура со студентами подготовительного медицинского отделения была направлена как раз на такого рода модификацию. Несмотря на недостатки этой демонстрации, она, тем не менее, предоставляет модель для формулирования проблематичных феноменов «отчуждения», «аномии», «девиации» и «дезорганизации» с использованием обыденно упорядоченных и упорядочивающих рутинных повседневных действий и их объектов в качестве отправной точки.

Для краткого прояснения мы можем вспомнить, сколь серьезному риску подвергаются люди, чьи проявления нарушают атрибуты установки повседневной жизни — неважно, совершают ли они это в целях эксперимента или, подобно психопату, как элемент привычного поведения. Из статуса воспринимаемого компетентного — в своих глазах и в глазах других — члена, т. е. из статуса добросовестного члена, он может перейти или быть переведен людьми, для которых эти атрибуты по-прежнему имеют силу, в любой из тех статусов, которые каждое общество отводит для тех, кому «недостает здравого рассудка». Любой родной язык предусматривает диапазон социальных типов, которые не признают этих атрибуций или для которых эти атрибуты, как считается, не имеют силы: обычно это дети, молодежь, старики, аутсайдеры, грубияны, дураки, невежды и варвары. Основными институционализированными статусами тех, кому недостает здравого рассудка, являются альтернативные статусы преступности, болезни, аморальности или некомпетентности. С организационной точки зрения те, кому недостает здравого рассудка, не только не вызывают доверия, но и сами его не выражают. Можно было бы предварительно определить достойного доверия и доверяющего человека как того, кто справляется с расхождениями в отношении этих атрибуций так, чтобы поддерживать публичные демонстрации уважения к ним.

То, что модификации установки повседневной жизни включают такие возможности, как обучение ей, ее церемониальные и инструментальные преобразования, ее открытие, а также ее нарушение или делание недействительной, отводит ей ключевое место в любой попытке объяснения стабильных, устойчивых, преемственных, единообразных социальных взаимодействий.

Рассматривая модификации установки повседневной жизни и ее мира, начинаешь ощущать, почему тема обыденного мышления была главной во всех крупных философских системах. Можно также ощутить, почему феномен обыденного мышления, действий и знания столь упорно присутствует и столь сильно идеализируется и отстаивается во всех стабильных группах. Однако очевидно, что подобное ощущение только указывает на обыденные установки и среды как на проблематичные феномены. Само по себе оно не формулирует проблему. Огромная заслуга Шюца как социолога состоит, помимо прочего, в том, что он проделал фундаментальную работу, позволяющую социологам сформулировать данную проблему. В настоящей статье была предпринята попытка взяться за решение этой задачи.

Перевод с английского Андрея Корбута

Литература

1. Вебер М. Социальная психология мировых религий / Пер. с нем. М. И. Левиной // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М.: Наука, 1996. С. 441–468.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского. СПб.: Издание Н. П. Карбасникова, 1912.
3. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. А. А. Корбут, В. В. Малинникова и др. М.: Наука, 1970.
4. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения / Пер. с англ. Р. Л. Добрушина и А. А. Юшкевича. М.: Иностранная литература, 1952.
5. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. В. В. Ошиса. М.: Прогресс, 1992.
6. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение: историческое введение / Пер. с англ. К. Чухрова, Т. Дмитриева и др. М.: Логос, 2002.
7. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–50.
8. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 51–68.
9. Шюц А. Проблема рациональности в социальном мире / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 69–96.
10. Шюц А. Выбор между проектами действия / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 116–148.
11. Шюц А. Основные понятия феноменологии / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 161–179.
12. Шюц А. О множественных реальностях / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.
13. Шюц А. Чужак / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
14. Шюц А. Символ, реальность и общество / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 456–530.
15. Шюц А. Смысловое строение социального мира / Пер. с нем. С. А. Ромашко // Шюц А. Избранное: мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 687–1022.
16. Coates R. M. The Law // The New Yorker. 1947. November 29.
17. Hallowell A. I. The Self and Its Behavioral Environment // Culture and Experience. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955. P. 75–110.
18. Kaufmann F. Methodology of the Social Sciences. N.Y.: Oxford University Press, 1944.
19. Kling F. R. Chess with Traitors. 1958. (Неопубликованная рукопись).
20. Olds J. The Growth and Structure of Motives. Glencoe, Ill.: Free Press, 1958.
21. Parsons T. The Superego and the Theory of Social Systems // Working Papers in the Theory of Action / T. Parsons, R. F. Bales, E. A. Shils (eds.). Glencoe, Ill.: Free Press, 1953. P. 13–29.
22. Parsons T. Family Structure and the Socialization of the Child // Family, Socialization and Interaction Process / T. Parsons, R. F. Bales (eds.). Glencoe, Ill.: Free Press, 1955. P. 35–131.
23. Parsons T., Shils E. A., Naegele K. D., Pitts J. Theories of Society. N.Y.: Free Press, 1961.
24. Schilder P. Psychoanalysis, Man and Society. N.Y.: Norton, 1951.